

УЖАСТИКИ

ДВОРЕЦ КОШМАРОВ

НОЧЬ ГИГАНТСКИХ ВЕЩЕЙ

Р. Л. СТАЙН

«ФРОСТ & СЛИНК»

Annotation

БОЛЬШАЯ БЕДА! Когда 11-летний Стивен Суинни по ошибке выпивает смесь химических веществ, окружающие его вещи становятся очень странными. Его одежда, его мебель, его зубная щетка — весь окружающий мир словно бы увеличивается в размерах! Но на самом деле уменьшился сам Стивен. Теперь ему придется продираться через огромные комья пыли, отбиваться от гигантских птиц и, преодолеть множество, казалось бы, безобидных бытовых предметов, для того чтобы добраться до подруги и попросить помощи. Сможет ли он в течение дня вернуться к своему первоначальному размеру?

- [Р.Л. Стайн](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Р. Л. Стайн

НОЧЬ ГИГАНТСКИХ ВЕЩЕЙ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВО ДВОРЕЦ КОШМАРОВ

**ЗДЕСЬ ВСЕГДА НАЙДЕТСЯ КОМНАТА ДЛЯ ЕЩЕ ОДНОГО
КРИКА**

Прежде, чем Вы войдете, вытрите, пожалуйста, ноги о коврик с надписью «НЕ ВХОДИТЬ!». Мы стараемся содержать полы в чистоте. Наша домотравительница давненько здесь не прибиралась, так что простите великодушно за кровавые пятна.

Да, Вы отыскиали мой древний чертог, место, предназначенное лишь для совершенно особенных посетителей. Сюда приходят ребята, которым есть, что порассказать.

Присаживайтесь к огню. Нравится ли Вам, как языки пламени вздымаются до самого потолка? Какая досада, что у нас нет камина...

Я — Хранитель Историй. Здесь, в самом темном, самом укромном уголке Кошмарики, я всегда держу двери Дворца Кошмаров открытыми.

Сюда находят дорогу дети, пережившие ужас. Испуганные дети. Они горят желанием поведать мне свои истории. Я — Слушатель, и я же — Хранитель их историй.

Вас интересуют те призрачные лица на стене? Лица с глазами, вылезшими из орбит, и ртами, раскрытыми в крике ужаса? Это — изображения тех детей, что одарили меня своими историями.

Сегодня у нас посетитель. Вон тот мальчуган, что сидит на подлокотнике кресла у бушующего огня. Чтобы успокоить нервы, он жонглирует тремя красными шариками.

Зовут его Стивен Суини. Стивену двенадцать, и он собаку съел на магии и иллюзиях. Однако то, что случилось с ним — отнюдь не иллюзия.

— О чем твоя история, Стивен?

— Она про... опасные чудеса.

— Ты ведь любишь показывать фокусы, не так ли?

— Фокусы обычно забавны. То, что случилось со мною — ужасно!

— Что ж, Стивен, рассказывай. Я — Хранитель Историй. Начни с самого начала. Поведай мне свою историю.

Стивен позволяет красным шарикам упасть ему на колени. Его темные глаза впиваются мне в лицо.

— А вы уверены? Это чертовски странная история, — говорит он..

Давай же, Стивен. Не бойся. Во Дворце Кошмаров всегда найдется Комната Для Еще Одного Крика...

— Тяните карту. Любую.

Я держал колоду перед Авой и Кортни. Они мои одноклассницы. Ава Манро и Кортни Джексон.

Они дружно рассмеялись.

— Стивен, знаем мы твои штучки, — заявила Ава.

Ава — самая высокая шестиклассница в средней школе имени Эвереста. Она премиленькая, с волнистыми белокурыми волосами и голубыми глазами. Но сдается мне, что высоченный рост делает ее несколько воображалистой.

Она любит поглядывать на меня свысока. И это при том, что я всего-то на пару-тройку дюймов ниже ее.

Я помахал колодой у них перед носом.

— А вдруг это другой? Попробуйте. Вытяните любую карту и не говорите мне, какую.

Кортни скрестила руки на груди.

— Это червовый туз, — сказала она, не вытащив при этом ни одной карты.

Кортни — негрityнoчка с коротко стриженными волосами и большими темно-кариыми глазами. Она носит длинные серьги и много-много бус. А еще у нее смех замечательный.

Я слышу ее смех очень и очень часто. Потому что она любит посмеяться надо мной и моими магическими трюками.

— Откуда ты знаешь, что тебе выпадет червовый туз? — осведомился я.

— А у тебя в колоде одни червовые тузы, — ответила Кортни.

Они с Авой стукнулись кулаками и снова захохотали.

— Ладно, ладно, — проговорил я. — В этот раз ты угадала. — Я засунул свою шулерскую колоду в карман куртки. — Но есть у меня трюк, о котором вы даже не подозреваете. Может, перемените свое мнение?

Я протянул руку и извлек у Авы из носа четвертак.

Ава застонала.

— Стивен, это гадко. Зачем ты всегда так делаешь?

«Гадко» — одно из любимейших ее словечек. Ее брат — «гадкий». Ее собака — «гадкая». Сегодня она сказала, что ее ланч был «гадкий». Честное слово.

— Я буквально чувствую запах перемен, — произнес я и вытащил четвертак у Кортни из уха. Повертел между пальцами и заставил его исчезнуть.

— Знаете, где теперь четвертак? — спросил я. — Ну-ка, Ава, открой рот...

— Вот еще, — отрезала она и поскорей отвернулась.

— Стивен, оставь уже нас в покое, — попросила Кортни. — Мы уже видели все твои фокусы, помнишь?

Был прохладный осенний день. Порыв ветра растрепал мои волосы, отчего они упали на глаза. У меня длинные, прямые темные волосы. «Копна волос», как говорит мама. Она любит подождать, когда я причешусь, а потом взъерошить их обеими руками.

У нас в семье сплошные шутники.

Большинство пацанов в нашем классе стрижется очень коротко. Но мне нравится отпускать волосы подлиннее. Это придает эффектности, когда я выступаю со своими фокусами на сцене.

Ава, Кортни и я стояли у обочины на Эверест-Стрит. Уроки только-только закончились. Из школы все еще выбегали группки ребят. Ветер подхватывал с тротуаров опавшие листья и кружил их в стремительном танце.

Кортни спрятала руки в карманы голубой толстовки.

— Стало быть, завтра у нас шоу талантов?

Я кивнул.

— Ага. Мое выступление будет убойным.

— Это если мы с Кортни не убьем тебя раньше! — сказала Ава.

Ха-ха. ЛОЛ. Они по мне с ума сходят. Иначе бы такого не говорили, правильно?

— Вы мне ассистируете. Не забыли? — сказал я. — Мы должны отрепетировать представление. Отработать ваши действия.

Кортни прищурилась:

— Ты ведь не собираешься выхватывать четвертаки из наших носов перед всей школой, надеюсь?

— У тебя есть фокусы, которые не были бы гадкими? — спросила Ава.

— Конечно, — сказал я. — Вот. Зацени этот новый трюк.

Они не видели баллончика со спреем «Нить балбеса»^[1], надежно припрятанного у меня под боком.

Я наклонился вперед. Потом сделал вид, будто чихнул на Аву. Вот так:

— А-А-А-П-Ч-Ч-ЧХИ-И-И-И!!!

И одновременно с этим выстрелил белой «Нитью балбеса», окатив весь перед ее свитера.

Она ахнула и в шоке отпрянула назад.

Это было шикарно.

Но потом Кортни попыталась выхватить баллончик у меня из руки.

И вот тогда-то все пошло кувырком.

Кортни протянула руку к баллончику. Мой палец непроизвольно нажал на кнопку. И я оросил этим веществом все ее лицо и волосы.

— Фу! — крикнула она и попыталась оттереть белую массу с глаз.

Потом Ава выхватила у меня баллончик и обрызгала уже меня. Я не успел увернуться. Она давила пальцем на кнопку и покрывала меня тоннами этой липучей дряни. Затем она отшвырнула баллончик на тротуар.

Я принялся стряхивать с себя белую гадость. Пытался отодрать ее от своей куртки. Кортни тем временем протирала глаза, размазывая спрей по щекам. Здоровенный комок застрял у нее в волосах.

— Стивен, ты знаешь, как произносится слово «мечь»? — проговорила она сквозь стиснутые зубы.

— А ты знаешь, как произносится слово «прикол»? — отпарировал я.

Ребята хохотали и орали в восторге. Какой-то третьеклашка подобрал баллончик и попытался обрызгать своих друзей. Но там уже ничего не осталось.

— Ну и гад же ты, Стивен! Ты мне свитер испоганил! — кричала Ава.

— Ничего, сойдет, — сказал я. — На баллончике написано, что оно отмывается. Это была просто шутка, Ава.

— Сам ты шутка! — в гневе закричала она. Она попыталась засадить мне кулаком под дых, но я с легкостью увернулся. Я меньше и проворнее.

Я достал сотовый и проверил время.

— Опаздываю на музыку, — сообщил я.

И зашагал через дорогу. Но потом оглянулся и крикнул Аве:

— Я забегу к тебе после музыки, можем втроем порепетировать!

— Это если я не доберусь до тебя раньше! — прокричала она в ответ.

Кортни погрозила мне двумя кулаками сразу.

Я же говорил. Они по мне с ума сходят.

* * *

Мистер Пинкер — мой новый учитель музыки. Он дает частные уроки на дому, в двух кварталах от школы.

Живет он в большом доме из красного кирпича, расположенном на пригорке, так что широкий, поросший травой двор спускается под откос. Зимой он позволяет соседской ребятне гонять со склона на санках.

Дом очень старый; по одной его стене взбираются вверх разросшиеся побеги плюща. Он оснащен парой дымоходов и длинной застекленной верандой.

Я поднялся по склону к жилищу мистера Пинкера. Позвонил в парадную дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

Прихожая была ярко освещена; повсюду на крючках висели куртки, шапки и зонтики. Из гостиной доносились звуки фортепиано: кто-то как раз заканчивал урок. И стоял аромат свежей выпечки.

Я поставил на пол рюкзак и повесил куртку на свободный крючок. Невысокая рыжеволосая девочка появилась из гостиной и одарила меня улыбкой, прежде чем скрыться за дверью.

— Здравствуй, Стивен. Заходи, — поприветствовал меня вышедший вслед за ней мистер Пинкер. — Это была Лиза. Она разогрела для тебя клавиши.

По-моему, он славный дядька. Лет ему где-то сорок или около того. Он высокий и сухопарый. Практически лысый, если не считать венчика рыжевато-каштановых волос вокруг макушки. На кончике носа сидят очки.

Одет он всегда в серый костюм с красным галстуком. Это был лишь третий мой урок у него, но всякий раз он встречал меня в одном и том же костюме.

Я последовал за ним в гостиную. На вид она довольно старомодная. Множество старых стульев и большой, коричневый кожаный диван, с которого местами слезает обивка. У высоких напольных часов, стоящих возле дальней стены, отсутствует секундная стрелка. И вообще они не ходят.

На одной из стен висят четыре черно-белые фотографии парусников. А на каминной полке стоит портрет дирижера, занесшего дирижерскую палочку.

На низком столике в углу свалены в стопки бесчисленные ноты. У другой стены, напротив окна, стоит пианино. На скамье у окна также свалены груды нот.

За окном порывистый ветер стучал веткой дерева в стекло. Звук был такой, словно кто-то бьет в барабан.

— Что это за белая гадость у тебя в волосах? — спросил мистер Пинкер. — Неужели в столь юном возрасте ты уже обзавелся перхотью?

Я потрогал волосы. Они были липкие.

— Это «Нить балбеса», — сказал я. — Была тут у нас небольшая войнушка...

Он кивнул.

— Главное, смотри, чтобы пальцы не были липкими. — С этими словами он вышел из комнаты.

Через несколько секунд он вернулся с большой тарелкой домашнего шоколадного печенья и стаканом молока.

— Я знаю, что после уроков шестиклассники всегда голодные, — проговорил он. — Поэтому каждый день пеку для них мое особое печенье.

Он протянул мне тарелку, а стакан с молоком поставил на крышку пианино. Я не был голоден, но мне не хотелось показаться невежливым. Я откусил большой кусок печенья.

Оно оказалось очень жестким и застревало в горле. Я постарался тут же запить его молоком.

Мистер Пинкер сунул мне тарелку под нос.

— Давай. Доешь, Стивен. Все ребята любят мое печенье.

Я заставил себя доестъ печенье, запивая молоком каждый кусок.

Когда мистер Пинкер смотрел, как я ем, на лице его играла широкая улыбка. Глаза радостно светились, и он все время улыбался. Он наблюдал за мной, пока я не съел все до последней крошки.

Но ничего странного в этом нет... верно же?

— Это одно из ранних произведений Шопена, — проговорил мистер Пинкер. Он разложил передо мной ноты. — Думаю, ты найдешь его очень легким для исполнения, стоит только подобрать ритм.

— Я практиковался с другим отрывком, что вы мне дали на той неделе, — сказал я. — Но у меня дома только маленький синтезатор, так что правильно сыграть трудновато.

Мистер Пинкер похлопал меня по плечу:

— Как только твои родители услышат, как ты хорош, то сразу захотят купить тебе настоящее пианино.

По-моему, я и впрямь играю весьма недурно. Я не хвастаюсь. Музыка дается мне очень легко. Равно как и фокусы, и комедийные номера, и прочие выступления. Мне просто нравится выступать.

Папа говорит, что мой дядюшка Дэвид пел и играл на пианино в каком-то очень популярном в свое время танцевальном ансамбле. Он скончался еще до моего рождения. Но я, наверное, унаследовал от него свой талант.

Я подтащил табуретку поближе к пианино и склонился над нотами. Я пытался сообразить, как нужно расставить пальцы для первых нескольких аккордов.

Мистер Пинкер оказался не прав. Отрывок был не из легких. Очень быстрый и очень сложный. Я сразу понял, что мне придется практиковаться часами, прежде чем я научусь с должной скоростью двигать пальцами.

Мистер Пинкер пристроился на табурете рядом со мной.

— Давай попробуем несколько интервалов, — сказал он. — Я покажу тебе.

У меня во рту до сих пор стоял вкус шоколада. Печенье мистера Пинкера оказалось настолько тяжелым, что у меня крутило живот.

Я наблюдал за его руками, когда он начал играть. Время от времени я переводил глаза с его рук на ноты и обратно. Затем я сам

попытался сыграть несколько аккордов... очень медленно.

Вместе мы трудились над этим отрывком минут двадцать. Он был страшно трудный. Но я уже потихоньку начинал разбираться.

Нас прервал телефонный звонок. Мистер Пинкер вскочил и направился в кухню.

— Мне нужно ответить, — сказал он. — Продолжай практиковаться по первым страницам.

Я склонился вперед и пробежался пальцами по клавишам. Руки вспотели. Я вытер их полотенцем, которое мистер Пинкер всегда держал на пианино.

У меня заныла спина. Вот уже как минимум полчаса я сидел неподвижно. Так что я решил встать и хорошенько размяться.

Кстати, где тут уборная? Самое время туда наведаться... Да вот беда — я до сих пор не был знаком с остальной частью дома.

Кухня располагалась слева. По правую же сторону находился длинный коридор. Я решил, что туалет должен быть в самом конце.

Я вышел в коридор. Там был выключен свет. Но я все равно разглядел, что по обе стороны его тянутся двери. Деревянные половицы поскрипывали у меня под ногами. Пахло хвоей, как от освежителя воздуха для туалетов.

Мои глаза постепенно привыкли к полумраку. Я увидел, что все двери в коридоре стоят закрытыми.

Я приоткрыл первую дверь, заглянул. Это оказалась кладовка с простынями и полотенцами, стопками разложенными на полках.

Я закрыл дверь и перешел к следующей. Эта была чуть-чуть приоткрыта. Заглянув, я увидел пару кроватей и комод. Должно быть, комната для гостей.

Наверное, мне следовало подождать и спросить мистера Пинкера, где здесь туалет. Но я был совершенно уверен, что он должен находиться где-то неподалеку.

Половицы под ногами попискивали да поскрипывали. Я подошел к следующей двери, открыл. Заглянул в комнату, несколько раз моргнул... и в изумлении ахнул.

Серый вечерний свет лился в помещение из двух окон на

противоположной стене. Вцепившись в дверную ручку, я воззрился на пол.

Что я вижу? Неужели крошечный город? Город, весь состоящий из деревянных кукольных домиков?

Прежде чем я успел к нему приглядеться, коридор огласил гневный окрик мистера Пинкера:

— БРЫСЬ отсюда! ЗАКРОЙ дверь! БРЫСЬ, я сказал! КЫШ ОТСЮДА!

Я подскочил, наверное, на целую милю. И поспешно захлопнул дверь.

— Стивен! — рявкнул мистер Пинкер. — Ты что там делал?

— Ну... я... э... — прозаикался я. — Извините. Я туалет искал, мистер Пинкер.

— Туалет в конце коридора. — Он показал пальцем. Лицо его все еще было сердитым.

Меня маленько трясло. В самом деле, чего он так взбеленился?

Что такого хранится в той комнате? Что там за страшная тайна?

Закончив свои дела, я вернулся в гостиную. Мистер Пинкер сидел на табуретке возле пианино. Лицо его было задумчивым.

Я решил вернуть его в доброе расположение духа. Мне не хотелось, чтобы он на меня злился.

— Э... мистер Пинкер? — произнес я. — Можно мне еще печенья?

Он тут же просиял.

* * *

После урока музыки я отправился напрямик к Аве. Она живет в маленьком белом домике через дорогу от меня. Их гараж по размерам почти не уступает самому дому.

После пары огромных печений меня мучила тяжесть в животе. И я беспрестанно рыгал шоколадом. Мне было малость не по себе. Но я все равно рвался отрепетировать свой номер с Авой и Кортни.

Я нашел их на кухне: они резали овощи для салата.

Кортни возвела свои карие глазищи к потолку и простонала:

— Гляди, какую бяку кот в дом приволок!

— Ха-ха, — сказал я. — Очень умно, Кортни. Сама придумала,

или кто надоумил?

— Как прошел урок музыки? — спросила Ава. Она бросила большую пригоршню салата-латук в деревянную миску, стоявшую на кухонной стойке. — Небось зачихал своей гадостью все пианино?

— Ничего подобного, — сказал я. — Я учил Шопена.

— И как, научился Шопен чему-нибудь? — спросила Кортни. — Или сам тебя проучил?

Кортни за словом в карман не лезет. Как говорит моя мама, она «остра на язычок».

На самом деле, я действительно нахожу ее очень остроумной. А что она меня поддевает — так это стопудово признак большой и чистой любви.

— Завтрашнее выступление будет просто чума, — сказал я. — Вам двоим нужно будет одинаково нарядиться. Уже нашли, что надеть?

— Да-да, уже подобрали, — ответила Ава. — Наденем балаклавы, чтобы нас никто не узнал.

Я ущипнул ее за щечку:

— Мне нравится твой энтузиазм!

В животе заурчало. Да уж, парочка таких печений доконает кого угодно.

Я повернулся к Кортни:

— Помнишь, что делать с волшебной палочкой? Сначала вертишь ею над головой, как дубинкой. Потом вручаешь ее Аве, та описывает ею круг и отдает ее мне.

Кортни тяжело вздохнула:

— То есть, как мы делали минимум сотню раз?

— Я лишь хочу быть уверен, что все пройдет гладко, — сказал я.

С этими словами я достал из стеклянной миски три яйца и принялся ими жонглировать.

— Стивен, положи, пожалуйста, — попросила Ава. — Маме из них омлет готовить.

— Пожалуй, завтра я немножечко пожонглирую, — задумчиво проговорил я. — У меня в цилиндре есть три игрушечных цыпленка. Может, вытащу их и начну жонглировать ими...

Я подбросил яйца немножко выше. Я — превосходный жонглер. Могу жонглировать быстро-быстро, ни разу не сбившись.

Мужик, что научил меня этому делу, когда-то работал в цирке братьев Рингли.

— Стивен, прошу тебя, прекрати, — сказала Ава. — Серьезно.

Я подбросил яйца еще выше. Мне нравилось смотреть на напряженные лица девчонок. Кортни замерла возле раковины. Ее глаза неотрывно следовали за летающими яйцами.

— Хочешь посмотреть, как я умею жонглировать пятью яйцами? — спросил я.

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась Ава.

Я подбросил яйца чуть ли не до потолка. Руки работали быстро и слаженно. Бросил. Поймал. Бросил. Поймал.

Я подкинул два яйца — и надо же было Авиной мамаше именно в этот момент нагряться на кухню!

— О НЕТ!!! — Ее испуганный вопль ошарашил меня.

Я подбросил яйца слишком высоко. Они треснулись о потолок.

И тут же ухнули вниз. Оба приземлились на голову Аве.

Шмяк! Шмяк!

Этого звука мне не забыть никогда.

Ава заорала дурным голосом, когда густой желток размазался по ее волосам, залепил уши и потек по щекам.

Авина мама качала головой и горестно вздыхала.

Кортни подлетела к Аве и принялась вытаскивать куски скорлупы из ее слипшихся волос.

Я покатился со смеху.

— Это не моя вина! — воскликнул я и показал на миссис Манро. — Это из-за нее!

Интересно только, почему смеюсь я один?

Желтая дрянь стекала со щек Авы на шею.

Кортни обняла ее рукою за плечи и повела из кухни.

— Не переживай, — приговаривала она, — сейчас мы это шампунчиком...

Она бросила на меня взгляд исподлобья.

Я крикнул им вслед:

— Вы что же, больше не хотите репетировать?

Никто не ответил. Потом Кортни крикнула мне из коридора:

— Ну все, Стивен, готовься к жесточайшей мести!

К мести? Ха-ха. К мести?

Я лишь громче захохотал.

Ну какой мести можно ждать от этих двоих?

А дома меня уже поджидал сюрприз.

Маму и папу я обнаружил в гостиной. Они сгрудились у подоконника, ласково воркуя над каким-то существом. И были так поглощены своим занятием, что даже не заметили, как я вошел.

Я подошел к ним, обогнув черное папино кресло, стоящее посреди комнаты. Оказывается, они хлопотали над небольшой бурой птичкой.

— Это что, попугай? — спросил я.

Родители дружно обернулись.

— А, Стивен, привет, — сказала мама. — Вот не знаем. Размером вроде с попугая. А с виду больше на ястребиного птенца похож.

— Он влетел в окно, — пояснил папа. — Наверное, чей-то. Видать, упорхнул из клетки.

Одним пальцем он погладил птичку по бурой макушке:

— Совсем ручной.

— Ах ты моя пташечка! — защebetала мама. — Ах ты моя славная!

Я простонал:

— Вы теперь только с птицей и будете разговаривать?

— А это я не с птицей. Это я с тобой, — сказала мама. Как я уже говорил, в нашей семье пошутить любят.

Мама очень похожа на меня. Она невысокая, круглолицая, и волосы у нее, как у меня, длинные и темные.

В юности она исполняла на фортепиано джаз. По ее словам, она и пела неплохо. Но все это она забросила еще до того, как я родился.

Полагаю, большинство моих талантов — это наследственное.

Папа — высокий, светловолосый и голубоглазый. Крепкое телосложение, широкие плечи и размашистая походка придают ему

вид крутого парня. Мама говорит, что ему следовало бы стать звездой боевиков, а не детским хирургом (папа оперирует детей всех возрастов — даже грудничков).

Иногда он заводит разговор об очередной операции прямо за столом. А мы с мамой зажимаем уши руками и кричим, чтобы он заткнулся.

Родичи присели на подоконник и продолжили ворковать над птицей.

— Надо бы найти ему клетку, — сказал папа. — Слушай, вроде у нас в подвале была какая-то клетка.

Я сбросил рюкзак на диван и подошел к окну.

— То есть, мы оставим его себе?

— Твой папа уже и имя ему дал, — сообщила мама. — Букашкин.

— Чего-чего? — удивился я. — Почему Букашкин?

— А он промышляет букашками, — ответил папа. — Не так ли, Букашкин? Любишь букашек, да?

— Но он же, наверное, чей-то, — напомнил я. — Он не дикая птица, верно?

— Мы дадим объявление в Интернете, — сказала мама. — Глядишь, кто и откликнется.

— Может, вознаграждение дадут, — сказал я. — Может, он миллион баксов стоит.

Папа криво усмехнулся:

— Чувак! Мне нравится ход твоих мыслей!

Мы стукнулись кулаками.

Я наклонился и погладил пальцем спинку птицы. Перышки у нее были мягкие и теплые.

Букашкин издал низкий горловой звук, похожий на кошачье мурлыканье.

Его маленькие глазки блестели. Он повернул головку, открыл изогнутый желтый клюв и сомкнул его на моем пальце.

— А-А-А-А-А-А-А! — заорал я, отдернув руку. — Он укусил меня! Он отхватил мне палец!

Папа и мама ахнули в один голос. Рты их широко раскрылись от ужаса.

Я расхохотался.

— Как я вас! — воскликнул я и помахал перед ними абсолютно целым пальцем. — Сосунки!

— Твои шуточки не смешнее герпеса, — покачала головой мама. — Смотри. Напугал бедного Букашкина. Он чуть с подоконника не свалился.

— Ничего, Букашкин, ничего, — сказал я и снова погладил его мягкие перышки.

Тот снова заворковал. Затем он опять повернул голову, приоткрыл клюв и коснулся языком подушечки моего пальца.

— Ого! У него есть язык! — засмеялся я. — Я и не знал, что у птиц есть языки.

Его язык был сухой и шершавый. Будто наждачка.

— С домашними питомцами узнаешь много нового, — заметил папа. — Пойду-ка вниз, поищу ту старую клетку

Внезапно меня осенила одна идея. Я посмотрел на птичку.

— Слушай, Букашкин, — сказал я, — похоже, у меня есть для тебя работенка.

Птичка уставилась на меня, будто и впрямь обдумывала мое предложение.

— Не забудь помыть руки перед ужином, — сказала мама.

* * *

Тем вечером я заперся у себя в комнате и долго репетировал свое представление. Я всегда запираю дверь. Иначе папа с мамой войдут и забросают меня советами.

Иногда их советы оказываются весьма кстати. Но мне гораздо

больше нравится самому разрабатывать свое выступление. А кроме того, папа нередко отбирает у меня карты, волшебную палочку или иной реквизит и устраивает собственное представление.

Ему, понятное дело, хочется позабавиться. Но во время репетиций все это ужасно мешает.

В общем, репетировал я до тех пор, пока не начали слипаться глаза. Я отработал все свои обычные трюки. И немного пожонглировал кеглями. В конечном итоге я решил от них отказаться. Слишком они тяжелые, чтобы их в школу переть.

Потом я долго не мог уснуть.

Наверное, я слишком переживал из-за грядущего выступления. А возможно мне мешало спать урчание и бурление в животе, вызванное злосчастным печеньем мистера Пинкера.

Я дал себе торжественную клятву, что в следующий урок вежливо откажусь от печенья. Или, на крайняк, съем только половину.

Уснул я уже далеко за полночь. И мне приснился преглупый сон.

Во сне я видел Букашкина. Бедная птичка была заперта в каком-то доме. Довольно долго я не мог сообразить, что это был за дом.

И лишь потом я понял, что это был маленький кукольный домик.

Не из тех ли, что я видел в доме мистера Пинкера?

Во сне я, наклонившись, пытался вытащить его через маленькое окошко. Но домик вдруг начал стремительно уменьшаться. И вот уже он стал совсем крохотным, высотой, должно быть, сантиметр или два, и был теперь слишком мал, чтобы я мог разглядеть в нем Букашкина.

— Где ты, Букашкин? — звал я во сне.

А потом я проснулся — и было утро. Солнечный свет лился в открытое окно. Воздух был свеж и сладок.

Сон быстро выветрился из памяти. Я выпрыгнул из кровати и сладко потянулся. Сегодня шоу талантов — день, которого я не мог дожидаться вот уже несколько недель.

Я торопливо оделся. Я стрелой помчался вниз — завтракать.

Я был так взбудоражен, что не мог усидеть на месте.

Откуда мне было знать, что этот день обернется для меня настоящей катастрофой?

Бывают дни, когда фокусы особенно удаются.

У вас ведь наверняка так случалось — когда вы *знали*, что просто не способны ни в чем наладить? Когда все, что бы вы ни делали, шло без сучка без задоринки, будто по волшебству?

Именно так и началось для меня шоу талантов.

Директор школы предварил мое выступление громкой, восторженной речью.

— Встречайте Невероятнейшего Стивена! — провозгласил он. Школьный оркестр сыграл фанфары. И я в высоком цилиндре прошествовал на сцену, вращая в пальцах волшебную палочку.

Разумеется, это слегка отдавало показухой. Разумеется, это старо как мир.

Но ребята в зале на это купились.

И уж совсем в дикий восторг они пришли, когда Ава и Кортни проследовали за мной на сцену, одетые в серебристые топики и леггинсы с блестками.

Представление произвело настоящий фурор. Даже самые примитивные из моих трюков вызывали смех и одобрительные выкрики в зале.

Иногда случается, что цветы никак не хотят выскакивать из моей волшебной палочки. Но не сегодня. Я взмахнул палочкой перед собой — и возник букет цветов. Как по волшебству! Ха-ха.

Я взял большую газету. Разрезал ее ножницами на полоски. Потом эти полоски я разрезал на полоски потоньше. Когда же я развернул газету, она чудесным образом оказалась целехонька!

Ава и Кортни двигались по сцене, пританцовывая в такт музыке. Они подавали мне реквизит и тут же отступали назад, чтобы не мешать мне проделывать трюки.

Интересно, почему они все время обмениваются ухмылками?

Я решил, что они, наверное, сами довольны — ведь фокусы удавались, и представление имело успех. Вся школа смотрела на нас, и всем нравилось.

Однако улыбки у девчонок были уж очень лукавые. Я никак не мог взять в толк, что у них на уме.

Я заметил в зале моего друга Дункана. Я вызвал его на сцену и проделал с ним карточный фокус. Тот самый, где каждая карта в колоде — червовый туз.

Последовали бурные аплодисменты.

Затем девчонки прошествовали за кулисы и выкатили оттуда небольшой столик. Я был готов осуществить свой новый фокус. Я знал, что ребята его оценят.

Мое сердце забилось чаще. На самом деле, я никогда не нервничаю на сцене. Страх сцены неведом мне. Я обожаю выступать перед публикой.

Но новые фокусы всегда меня несколько напрягают. К тому же, я не имел возможности отрепетировать этот трюк до вчерашнего вечера.

Столик был покрыт черной тканью. Я подошел к нему.

Я поднял руки, давая оркестру знак прекратить играть. Воцарилась тишина. Я продолжал держать руки высоко над головой.

— Летящая Птица, тебя призываю! — провозгласил я.

Тишина.

Я бросил взгляд в зал. Все внимание публики было приковано ко мне.

Ава и Кортни стояли по бокам стола.

— Взываю к тебе я из далей эфирных! — продолжал я. — Крылатая Птица, явись нам не медля!

Тишина.

Я поднял со стола ткань — поднял как можно выше, чтобы скрыть сам стол от глаз зрителей.

Затем я отбросил ткань в сторону — и на столе возник Букашкин.

Я опустил руку, и птица запрыгнула мне на запястье. Я поднял руку с птицей; зал взорвался криками и овациями.

Я оглянулся и заметил, что Ава и Кортни опять улыбаются. Само собой, им еще не приходилось видеть мой фокус с Букашкиным. Пожалуй, он им понравился.

Я поднял Букашкина повыше, чтобы все могли им полюбоваться. Птичка опустила голову и коснулась языком моей щеки. Это уже второй раз. Я решил, что он вроде как... поцеловал меня. Меня вдруг пробил озноб. Его язык был такой сухой и шершавый...

Я передал Букашкина Аве и попросил ее посадить его обратно в клетку, оставленную за кулисами.

Теперь настало время грандиозного финала.

Кортни вручила мне четыре красных резиновых шарика. Мои мячики для жонглирования. Это был самый сложный трюк из всех, что я когда-либо проделывал.

Я собирался жонглировать четырьмя мячиками так, чтобы два из них все время оставались в воздухе. И во время этого выпить стакан воды.

Мы втроем практиковались в этом дни напролет. Иногда получалось прекрасно. Иногда я ронял мячики, когда начинал пить. Несколько раз я умудрялся поперхнуться водой.

Но сегодня все шло как по маслу. Все было идеально.

Я никогда еще не чувствовал такой уверенности в собственных силах.

Невероятнейший Стивен, Стивен-Победитель!

Оркестр вновь заиграл фанфары. Я подошел к краю сцены и начал жонглировать. Сначала тремя красными мячиками, не спеша. Затем, увеличив скорость, добавил четвертый мячик.

Два вверх. Два вниз. Два вверх. Два вниз.

Мячики двигались в идеальном ритме. Я чувствовал себя машиной, жонглирующей машиной.

Загремела барабанная дробь.

Кортни вышла вперед. В вытянутой руке она держала бумажный

стаканчик. Стаканчик был до половины заполнен водой.

Я громогласно объявил:

— А сейчас я совершу трюк, который под силу только Невероятнейшему Стивену — выпью стакан воды, не переставая жонглировать!

Я видел, что все взоры прикованы ко мне. Никто не шевелился, никто не болтал.

Два вверх. Два вниз. Два вверх. Два вниз.

Я успешно поддерживал ритм. Красные мячики шлепали по ладоням.

Кортни подошла ближе. И поднесла голубой бумажный стаканчик к моим губам.

Два вверх. Два вниз. Два вверх. Два вниз.

Кортни наклонила стаканчик к моему рту.

Я сделал большой глоток.

Горькая жидкость обожгла язык. Рот наполнился ужасным, тошнотворным вкусом.

— А-А-АГХ-Х-Х-Х-Х! — вырвался у меня хриплый вопль.

Я отбил рукою стаканчик. Кортни отскочила назад.

Четыре красных мячика запрыгали по полу вокруг меня. Они простучали по сцене и покатались в зал.

От мерзкого вкуса во рту меня замутило. Желудок выворачивало.

— Меня отравили! — завопил я. — Помогите, кто-нибудь! Меня отравили!

Едкая жидкость щипала губы. Я начал давиться.

И понял, что сейчас меня вырвет. Издав еще один сдавленный вопль, я повернулся и бросился вон со сцены.

Зал грохнул. Ребята визжали и хохотали до слез.

Поднялся настоящий содом. Я слышал, как учителя кричат, требуя, чтобы все немедленно угомонились. Несколько учителей поспешили мне на помощь.

Не став их дожидаться, я зажал рот рукой и помчался в находящийся за кулисами туалет. Но когда я добежал до него, мой желудок немного успокоился. Блевать расхотелось.

Я привалился к стене, пытаюсь взять себя в руки. Пытаюсь собраться с мыслями и понять, что же произошло.

Представление проходило прекрасно, безупречно — и вдруг все полетело к чертям собачьим.

Но как? Почему?

И тут я увидел идущих ко мне Аву и Кортни. Они обнимались, хлопали друг дружку по ладоням и покатывались со смеху.

Чему они радуются?

— Чт... что это было? — с трудом проговорил я. Меня до сих пор подташнивало. Во рту стояла жгучая горечь. Я все время сглатывал. Снова и снова. Пытался избавиться от нее.

— Что произошло? Что было в стаканчике? Что вы мне подсунули?

Не дождавшись ответа, я поспешил к питьевому фонтанчику возле стены, наклонился к нему и выдул, наверное, целый галлон воды. После чего снова повернулся к девчонкам. Те продолжали хихикать, страшно довольные собой.

Я схватил их за руки.

— Отвечайте. Что вы туда подлили?

Наконец, они перестали хихикать.

— Всего-навсего смесь из кабинета химии, — сказала Кортни.

— Что-о-о?! Серьезно?! — взвизгнул я.

Обе кивнули.

— Вы дали мне выпить химикалии? — вскричал я.

Они засмеялись.

— Мы просто взяли и смешали все, что смогли найти, — сказала Ава. — Сечешь? Сняли с полки все бутылки и подлили понемножечку из каждой.

Я схватился за горло.

— Но... но... зачем? — запинаясь, проговорил я.

— Ты это заслужил, — ответили они в унисон. После чего повернулись и с хохотом выбежали через заднюю дверь.

— Меня... меня отравили... — пробормотал я. Я замер на месте, сердце отчаянно колотилось, кружилась голова.

Я все еще чувствовал едкий вкус химикалий на языке. Желудок снова скрутило.

Я заставил себя действовать. Я взял клетку с Букашкиным и выбежал через заднюю дверь.

В прохладный, солнечный день. Я пробежал через безлюдную площадку для игр. Я пулей пронесся через дорогу, даже не глядя по сторонам.

Я бежал не глядя, не думая. Бежал всю дорогу до дома.

Я влетел в дверь кухни. Поставил клетку с Букашкиным на стойку.

И закричал:

— Мама! Папа! Помогите!

Дома никого не было.

Я еще раз сглотнул. Я старался не поддаваться панике.

«Я в порядке. Я в порядке», — твердил я себе.

Почищу-ка зубы, решил я. Это, по крайней мере, поможет мне избавиться от мерзкого вкуса.

Я бросился к лестнице — и тут же споткнулся о ведро и швабру. Вода выплеснулась на кроссовки и разлилась по полу мыльной лужей.

Кто-то из предков, должно быть, мыл пол и оставил ведро со шваброй у подножия лестницы.

Я обошел их и помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки.

В коридоре на втором этаже было теплее, чем внизу. И пахло хвоей. Кто-то явно здесь прибирался. Скорей всего, папа. Он у нас в семье главный чистюля.

Я миновал комнату для гостей, потом свою комнату. Ванная располагалась в конце коридора.

— Эй! — испуганно вскрикнул я. И наткнулся на стену.

Оттолкнувшись обеими руками от светло-розовых обоев, я оглянулся.

Что случилось? Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять. Я стоял на ковре босиком.

Я попросту вышел из своих кроссовок.

Но... как? Они ведь были туго зашнурованы.

Оставив их стоять посреди коридора, я пошел дальше.

Уже возле двери ванной я споткнулся о штанины джинсов.

Да что ж это такое! Почему с меня спадают штаны?

Я подтянул их одной рукой. Чувствовал я себя как-то странно, голова слегка кружилась. Я поморгал. Обои по обе стороны от меня, казалось, вытягиваются в высоту.

Я поднял глаза. От этого голова закружилась еще сильнее. Потолок вдруг оказался гораздо выше обычного. Дверь ванной возвышалась надо мной едва ли не на милю.

Неужели что-то случилось с моими глазами?

Язык сделался сухим и зудел. Я чувствовал горький привкус химикалий на нёбе.

«Много же придется истратить пасты, чтобы избавиться от поганого привкуса», — подумал я.

Подойдя к раковине, я потянулся за зубной щеткой.

— Че-е-ерт!

Что за дела?

Почему мне приходится вставать на цыпочки, чтобы дотянуться до раковины?

Мои руки не доставали до стакана с зубной щеткой. Мне пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы схватить ее.

Я схватил ее одной рукой. Щетка вдруг оказалась очень тяжелой. Пришлось перехватить ее и второй рукой.

Черт. Пойдите. Пойдите...

Моя голова едва возвышалась над раковиной. Я не мог дотянуться до кранов.

Я не хотел верить в происходящее. Но у меня не было выбора.

Я замер на месте, дрожа всем телом. От страха зубы начали выбивать барабанную дробь. Зубная щетка была размером чуть ли не с бейсбольную битой!

— Я... я не могу уменьшаться, — пробормотал я. Собственный голос показался мне высоким и писклявым.

— Я не могу уменьшаться. Этого не может быть, правда?

И вот тогда одежда соскользнула с моего тела. Джинсы съехали вниз и упали к моим ногам. Следом соскользнула рубашка и свалилась в кучу вокруг лодыжек.

Я стоял, абсолютно голый, и таращился на огромную раковину сверху.

— Этого не может быть, правда? Я не мог уменьшиться...

Я вышел из кучи одежды. Мои носки теперь были огромными, как мешки для грязного белья.

Я обнял себя руками, пытаюсь унять дрожь. Так и стоял, голышом, пялясь в огромное днище раковины высоко над головой.

Чувствовал я себя очень странно. Сердце стучало — тук-тук-тук! — словно в грудную клетку мне посадили живую птичку-колибри. От звука водяной капли, упавшей в раковину, я подскочил. Звон был такой, словно над головой у меня ударили в колокол.

Я обнял себя еще крепче. Я буквально окоченел от страха. Кожа была холодной и ничего не чувствовала. И я никак не мог перестать стучать зубами.

«Насколько же я уменьшился?» — подумал я.

Я повернулся. Передо мной стояли напольные весы. Они были слишком высокими, чтобы просто взойти на них. Пришлось подтягиваться на руках.

Сколько же во мне теперь весу? Я встал на весы. Но я был слишком легкий. Циферблат показывал ровно ноль.

От этого меня по спине еще сильнее продрал мороз.

Я соскочил с весов. Я не мог определить, сколько во мне росту. Может быть дюймов шесть, может — восемь-девять.

Да и какая разница?

Я-то считал Аву и Кортни своими подругами. А они подсунули мне химикалии, от которых я уменьшился. Они отравили меня!

Ладно, ладно. Я набрал в грудь побольше воздуха и задержал дыхание. Но и это не помогло мне справиться с паникой.

Ну хорошо. Они жаждали мести. Но как могли они сотворить со мной *такое*? Как?!

А потом в моем скованном паникой мозгу мелькнул еще один вопрос. Вопрос, от которого по моему крохотному телу снова пробежала ледяная дрожь.

Неужели я останусь таким лилипутом до конца дней своих?

Нет. Не может быть.

Я должен вернуться к своему нормальному размеру. Я должен сесть и подумать.

Я должен добраться до своей комнаты. Я должен что-нибудь придумать. Составить план. Сделать хоть что-нибудь!

А еще я должен найти одежду.

Я бросился вон из ванной. Мои ноги шлепали по плитке, но практически беззвучно. Я выбежал в коридор. Лиловый ворс ковра был густой и высокий. Он доходил мне до лодыжек и скреб по лодыжкам.

Я заметил свои кроссовки, оставшиеся лежать посреди коридора. Они были похожи на пару огромных катеров, плывущих по широкому лиловому озеру.

Что же мне надеть?

Не могу же я расхаживать по всей округе с голой задницей.

Я вошел в комнату. Кровать возвышалась надо мной, как гора. Мне пришлось сильно вытянуть шею, чтобы разглядеть свои книжные полки.

На полу валялась оставленная мною раньше куча грязной одежды. Но, конечно же, все эти вещи были теперь мне чересчур велики. Я попытался облачиться в белый носок. В длину он оказался не меньше моего роста. И был слишком тяжел, чтобы я мог в него завернуться.

Я присел на перекрученные джинсы и крепко задумался. Что же, все-таки, мне надеть? Что мне подойдет?

Внезапно мне пришло в голову, что ответ находится у меня прямо перед глазами. А конкретно — на книжной полке. Две мои марионетки.

Одна из них была клоуном в красном костюме в белый горошек. Это, разумеется, никуда не годилось.

Зато вторая марионетка изображала солидного господина в

коричневом деловом костюме.

Конечно, в деловом костюме, пошитом на марионетку, вид у меня будет весьма нелепый. Но во мне было от силы шесть-восемь дюймов росту. Тут не до капризов.

Я побежал к книжной полке. То и дело я спотыкался на белом ковровом ворсе.

Опустив плечо, я начал ломиться сквозь густые заросли белой шерсти. Это было все равно что продираться через густые джунгли. Ворсинки цеплялись за ноги и натирали колени. Мне показалось, что прошло не меньше часа, прежде чем я добрался до полки.

С марионетками тоже пришлось повозиться. Они оказались больше, чем я ожидал. Мне потребовались все мои силы, чтобы отодвинуть клоуна подальше.

Я взялся за бизнесмена. Кукла лежала на спине, глядя вверх. Нити были обмотаны вокруг нее.

С огромным трудом мне удалось кое-как распутать их, после чего я смог привести марионетку в сидячее положение. Раздеть ее будет непросто.

Я стащил с ее ног блестящие черные ботинки. Похоже, они были сделаны из пластмассы. Интересно, они мне хоть подойдут?

Не примеришь — не узнаешь.

Я плюхнулся на край полки. Взялся обеими руками за левый ботинок и натянул его.

Да! Мой размерчик!

Долго радоваться я не стал. Подумать только, какой ужас! Моя нога размером с ногу куклы!

Я надел второй ботинок и встал. Попробовал пройти вдоль края полки. Пластмассовые ботиночки поскрипывали. Пожалуй, они мне немного жали. Зато теперь я, по крайней мере, обут.

Я попытался поднять куклу на ноги, но не хватило сил. Она была выше меня. Придется снимать костюм с лежащего.

Я опустился на четвереньки и принялся стягивать с марионетки шелковые брюки. Ухватив их за пояс, я попытался стащить их вниз. Но брюки не поддавались.

Я потянул сильнее.

Затем я увидел, что трачу время впустую. Одежда была приколочена к деревянному телу куклы гвоздями. К ним-то и крепились нити.

Я не смог бы стащить с «бизнесмена» штаны, не изодрав их в клочья. Да еще и проклятые нити...

Тяжело вздохнув, я спрыгнул с полки.

Итак, я стоял на полу, ростом меньше десяти дюймов, совершенно голый, если не считать поскрипывающих пластмассовых ботинок.

Я лихорадочно оглядел комнату.

Что же мне надеть?

Я озадаченно моргнул, увидев еще пару кукол, валяющихся возле ножки кровати. Лишь через несколько секунд я вспомнил, что их забыла моя маленькая кузина Минди, когда последний раз приезжала в гости.

Я заковылял обратно через высокий ковровый ворс. Наконец, я остановился и принялся разглядывать кукол. Это были Барби и Кен.

Барби была в докторском костюме — белый халатик и хирургическая шапочка. Волосы были связаны в хвост на затылке.

На шее висел стетоскоп. На носу сидели очки.

На Кене был кричащий рок-н-рольный прикид. Серебристые брюки с блестками и синяя рубашка с вырезом до пояса. Шею обвивало множество позолоченных цепей.

Я знал, что уж его-то костюм точно не прибит гвоздями. Потому как Минди своих кукол постоянно переодевала. Может, хоть его шмотки придутся мне впору?

Да. Рубашка, конечно, оказалась мне велика. Да и брюки были чересчур длинными, так что пришлось хорошенько их закатать. Золотые же цепи я просто зашвырнул подальше.

Ладно, выглядел я дурак дураком. Зато хоть не голый.

Так, теперь нужно успокоиться. Сосредоточиться. Пораскинуть мозгами.

Ава и Кортни угостили меня химикалиями. И от этих химикалий я уменьшился.

Я должен добраться до них. Я должен выяснить, что они там намешали.

Если я узнаю, что я выпил, может быть... только может быть... наш семейный доктор или какой-нибудь другой врач сможет определить, что мне нужно выпить, чтобы стать прежним.

Хорошо. Для начала я решил позвонить Аве.

Задрав голову, я увидел, что мой сотовый телефон лежит на кровати.

Кровать возвышалась надо мной, словно вершина Эвереста. До телефона, казалось, мили и мили.

Я должен его достать. Я должен туда добраться. Но как?

Обеими руками я ухватился за деревянную ножку кровати. Оттолкнувшись от пола, я обхватил ее ногами.

Верхолаз из меня, прямо скажем, никудышный. Я и в спортзале никогда не мог дотянуть до конца каната. Даже стенки для лазания в торговых центрах терпеть не мог.

Но уж теперь придется-таки заделаться верхолазом.

По счастью, помогли пластмассовые ботиночки. Они совсем не скользили по древесине, что было весьма кстати, когда я лез вверх.

Мои руки вспотели. Я преодолел несколько дюймов. Оттолкнулся ногами. Поднялся еще на несколько дюймов.

Но потные руки так и норовили соскользнуть.

Одолев примерно половину пути, я совершил огромную ошибку — глянул вниз.

— У-у-у-о-о-о-а-а-а!

Я всегда боялся высоты.

Само собой, у меня тут же закружилась голова. Комната вращалась перед глазами. Я покрепче вцепился в деревянную ножку и перевел взгляд обратно на вершину кровати.

Еще ползти и ползти.

Я поднял руки. Облапил ножку. Оттолкнулся пластмассовыми ботинками.

К моему великому ужасу, ноги сорвались. Влажные пальцы начали соскальзывать.

Я разжал руки и начал падать.

— Н-не-е-ет! — вырвался у меня отчаянный вопль, когда я полетел вниз.

Я отчаянно взмахнул руками, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

И вцепился в краешек покрывала.

— Да-а-а-а-а!

Мои руки сжали толстую красно-белую ткань. При этом я неслабо приложился о корпус кровати. Но рук не разжал.

Я зарылся ботинками в покрывало. Поднял руки и снова начал карабкаться.

Когда я добрался до постели, все мое тело тряслось. Едкий пот заливал лицо.

Я лежал лицом вниз на покрывале минуту или две, пытаюсь отдышаться. И ждал, когда руки и ноги перестанут ныть после мучительного восхождения.

Поднявшись на колени, я не смог удержать печального вздоха. Мне вдруг представилось, как я раньше лихо спрыгивал с этой кровати по утрам. Как сидел, бывало, на ее краю, а мои ноги надежно покоились на полу.

Смогу ли я когда-нибудь проделывать все это снова? Неужели мне всякий раз придется подниматься на собственную кровать, как на неприступный горный пик? Неужели маме и папе придется купить мне детскую люльку, а то и вовсе устроить мне постель в корзинке для собачонок?

Бредовые, конечно, фантазии. Но разве можно меня за них винить?

Я встряхнулся, пытаюсь отогнать мрачные мысли. И начал пробираться к сотовому телефону.

Вблизи он оказался больше чемодана. Он у меня складной. Так что первым делом мне нужно было его открыть.

Обеими руками я вцепился в крышку и рванул ее изо всех сил. К моему удивлению, она тотчас же откинулась. Ур-р-р-а-а-а!

На экране вспыхнула моя заставка — шляпа фокусника с торчащими из нее кроличьими ушами.

Я опять вздохнул. Мое выступление в школе было беспощадно загублено. Так все хорошо шло... А потом Ава и Кортни взяли и провернули самый эффектный фокус — сделали меня гораздо меньше кролика.

— Ты еще вернешься, Стивен, — произнес я вслух. — Это можно исправить. Ты вернешься, чувак.

Я пытался себя подбодрить. Только не шибко-то получалось.

Нужно позвонить Аве. Необходимо узнать, что они с Кортни подлили в стаканчик.

Я склонился над телефоном и положил руки на кнопки. Кнопки были огромные — размером не меньше блинов, что пекла мама.

Я наклонился вперед и стал набирать номер Авы.

— У-у-у-уф-ф-ф! — простонал я, пытаюсь нажать кнопку быстрого набора номера. Она никак не хотела поддаваться.

Я наклонился ниже и уперся в нее обеими руками. После чего навалился всем весом.

Нет.

Не получается.

Моим маленьким рукам не хватало сил даже нажать кнопку.

Что теперь?

Теперь что?

Я заколотил по кнопке кулаками. Бил остервенело. Но она не поддалась.

Я почувствовал, как горло сдавила паника. Оцепенев, смотрел я на гигантские кнопки. И вдруг мне в голову пришла очередная идея.

Я поднялся на ноги и забрался на телефон.

Мои пластмассовые туфли поскрипывали, когда я шагал по кнопкам. Я встал на кнопку быстрого набора номера. Подпрыгнул — и приземлился на нее всем своим весом.

Би-и-п! Номер Авы высветился на экране.

Затем, тяжело дыша, я перепрыгнул на кнопку вызова.

Через несколько секунд раздался гудок. Он был такой громкий, что я чуть не упал с телефона.

Раз гудок... два гудок...

Послышался щелчок. А потом — голос Авы. Он ворвался в мои крохотные уши оглушительным ревом.

— Стивен? Алло?

— Ава, ты должна помочь мне! — закричал я.

Пауза. А потом Авин голос загремел снова:

— Алло? Стивен? Это ты?

— Послушай меня, Ава! — Мой голос звучал, как мышинный писк. Я завопил как можно громче: — Мне нужна помощь! Твоя помощь!

— Стивен, я тебя не слышу, — сказала Ава. — Ты там? Я знаю, что это ты, Стивен. У меня твое имя высветилось. Снова шутим?

— Нет, Ава, прошу тебя... — умолял я. — Слушай внимательнее. Это не шутка. Это я.

— Связь плохая, — проворчала она. — Ни черта не слышно. Перезвони мне.

— НЕТ! — заорал я. — Я не смогу тебе перезвонить! Это слишком тяжело. Мне нужна твоя помощь!

— Стивен? Ты там? Говори уже что-нибудь! — закричала она. — Между прочим, ничего смешного!

А потом — этот ужасный щелчок. Для меня он прозвучал

подобно удару грома.

Ава нажала отбой.

Я упал на колени посреди телефона. В голове все еще гудел оглушительный голос Авы.

Что теперь? Ждать, когда мама и папа мне помогут?

Тут я вспомнил, что они задержатся допоздна. Предполагалось, что я отправлюсь к моей кухне Минди и поужинаю там.

Минди могла бы мне помочь. Только вот... До ее дома было как минимум восемь или девять кварталов. При новых моих габаритах такое путешествие займет много дней!

Ава живет напротив. Туда добраться гораздо легче.

Смогу ли я дойти до Авиного дома? У меня не было выбора. Я должен был рискнуть.

Первая из насущных проблем — спуститься с кровати. Я снова посмотрел вниз. Напрасно. Тут же накатила такая волна дурноты, что я вынужден был присесть.

Слишком высоко, чтобы прыгать. Даже несмотря на мягкий ковер внизу, я запросто могу переломать себе все косточки. Сидя на самом краю, я повернулся и посмотрел на столбик кровати. А не попробовать ли съехать по нему вниз, как пожарники по шесту?

Но если я буду скользить слишком быстро, то попросту обдеру всю кожу со своих маленьких ладоней.

Смогу ли я спуститься по нему медленно и осторожно?

И в тот момент, когда я думал над этим, зазвонил телефон.

Оглушительный звон заставил меня подскочить.

— А-А-А-А-А! — в испуге заорал я

И сверзился с кровати.

Падал я ногами вперед. Скользя спиной по покрывалу.

БУХ!

Я приземлился на колени и упал лицом вниз в длинный ковровый ворс.

Воздух со свистом вырвался из груди. Я подскочил разок и перекатился на спину, давясь и сипя.

Несколько секунд спустя я заставил себя подняться на ноги. Подвигал руками вверх-вниз, согнул колени. Ощупал себя. Ничего не сломано.

Толстый мягкий ковер спас мне жизнь. Теперь весь перед моего серебристого костюма покрывали клочья белого ворса. Но меня это не волновало. Я уцелел и был готов к следующему этапу своего трудного путешествия.

Непростая это задача — спуститься по лестнице.

Я прошел мимо своих кроссовок, одиноко валяющихся посреди коридора. Как бы мне хотелось снова надеть их! Мои новые кукольные туфли нещадно мне жали.

Остановившись на вершине лестницы, я посмотрел вниз. Лестница была крутая, и ступени уходили вниз, подобно уступам глубокого карьера. Внизу я увидел швабру и ведро с водой, о которые недавно споткнулся.

Нет, обычным способом мне ни за что не спуститься. Ноги короткие.

Я понял, что придется мне спускаться задом наперед, преодолевая по одной ступеньке за раз.

— Нет проблем, — вслух проговорил я. — Все равно что по приставной лестнице.

Я снова пытался себя подбодрить.

«Стивен, ты же практикуешь всевозможные трюки и фокусы. Представь себе, что просто выполняешь новый трюк. Представь, что на тебя смотрит замороженная публика, и ты хочешь произвести на

нее впечатление».

Конечно, я мог убеждать себя в чем угодно. Я мог прикинуться, что проделать все это не труднее, чем показывать карточные фокусы или жонглировать красными шариками.

Но когда я проделывал фокусы, я не рисковал собственной жизнью.

Я повернулся спиной к ступеням. Опустился на колени. Затем ухватился за край ступени и медленно... осторожно... соскользнул вниз.

Росту во мне было явно недостаточно. Мои ноги не касались следующей ступени. Пришлось разжать руки и упасть вниз.

— Ой. — Я тяжело приземлился на твердые пластмассовые подошвы и замахал руками, пытаясь сохранить равновесие.

Одна ступенька преодолена. Осталось еще дофига и больше.

Я ухватился за край ступени. Дерево было скользким. Должно быть, мама или папа недавно мыли и полировали лестницу.

Крепко сжимая пальцы, я осторожно спустился на следующую ступень.

Сердце бухало в груди. Но все же я почувствовал себя чуточку лучше. Мышцы рук, конечно, ныли. Тем не менее, это оказалось легче, чем я думал.

Ничего, справлюсь.

Я бросил взгляд на ведро с водой. Переместился влево. Хотелось убедиться, что я не угожу прямиком в ведро.

Тяжело вздохнув, я взялся за край ступени.

Осторожно спустил ноги вниз, потом спрыгнул на следующую ступень. Потом на следующую.

Курочка по зернышку... Руки отчаянно ныли. Но я уже преодолел половину лестницы.

Я начал спускаться на следующую ступень.

И в ужасе заорал, когда что-то схватило меня за ноги.

Гигантская мышь!

— ОТПУСТИ! — взвизгнул я.

Тварь заглатывала меня целиком!

Нет. Погодите.

Я отбивался руками и ногами.

Погодите. Это же не мышь.

Это ком пыли. Огромный ком пыли высотой чуть ли не с меня.

Очевидно, до этого места мама с папой еще не добрались.

Густая серая пыль липла к коже, к одежде. Я угодил прямо в середину кома. Теперь он удерживал меня в плену.

Я смахнул сухую пыль с лица. Принялся отдирать ее от костюма. Дрыгая ногами и размахивая руками, я начал выбираться из пылевого шара.

Он прилип к спине. Я извернулся и попытался сбить его. Я никак не мог вырваться на свободу.

Я снова извернулся, пытаюсь выскользнуть из него, и...

...и сорвался со ступеньки!

Я разинул рот, чтобы закричать, но оттуда не вырвалось ни звука.

Я грохнулся на следующую ступеньку. Моя голова гулко стукнулась о твердое дерево.

Я закрыл глаза, когда резкая боль пронзила все мое тело. Перекувыркнулся через край ступеньки. Ударился о следующую. Подскочил.

И опять приложился о ступеньку головой. Я застонал; во всем теле пульсировала боль.

Я выбросил обе руки вперед, пытаюсь остановить падение. Но падал слишком быстро.

Я перекатился через край следующей ступеньки и...

ПЛЮХ!

Холодные брызги окатили лицо, когда я плюхнулся в ведро с мыльной водой.

Я вскинул руки над головой. Но все равно погружался на дно.

Вода была густая, а из-за растворенного в ней мыла я ничего не мог в ней разглядеть. Мыло жгло глаза. И удерживало меня в глубине, когда я отчаянно рвался к поверхности.

Это было все равно, что плавать в густом гороховом супе. Наконец, я смог поднять голову из грязной, загустевшей воды. Давясь и отплевываясь, я жадно втягивал воздух широко раскрытым ртом.

От хвойного запаха моющего средства у меня сжалось горло. В носу жгло. Глаза слезились. Я дрыгал ногами и шлепал руками по воде, пытаясь удержаться на плаву.

Но долго ли я смогу плавать в этой мерзости?

Я посмотрел на края ведра. Слишком высоко, не дотянешься. Подплыв к металлической стенке, я попытался вскарабкаться по ней наверх. Но тотчас же соскользнул обратно в воду.

Нет, по стенке никак не взобраться. И мне не хватит сил опрокинуть ведро набок, чтобы меня выплеснуло из него вместе с водой.

Я отчаянно плавал кругами, снова и снова. Мозг лихорадочно работал. Как же выбраться... Как же выбраться...

В груди разгорался пожар. Руки наливались тяжестью. Какое-то время я пытался плыть на спине. Но не мог же я так плавать вечно.

Мама и папа вернутся домой еще очень и очень нескоро. Мне ни за что не дотянуть до их прихода.

Я перевернулся на живот и снова поплыл неспешными, ленивыми саженками. Мыло жгло глаза и нос. От резкого запаха было трудно дышать.

В натруженных руках пульсировала боль. Я понимал, что долго не протяну.

Я не мог больше сдерживаться. Я горестно всхлипнул.

Неужели мне действительно суждено потонуть в ведре с грязной

водой?

Грудь разрывалась. Боль пронизывала ребра... руки... ноги...

Не могу плыть. Ничего не могу.

Дышать не могу... Плыть не могу...

Я сдался. Все мое тело резко обмякло. Я сложился пополам, словно размокший бумажный пакет, и погрузился в холодную мыльную воду.

Когда я начал погружаться, на меня вдруг упала тень.

Я поднял голову. Откуда этот звук? Словно бы хлопанье крыльев...

Собрав остаток сил, я устремился к поверхности. Моя голова поднялась над водой. Смаргивая с глаз жгучую мыльную пену, я пытался разглядеть тень. Тень металась надо мною, хлопая крыльями.

Букашкин!

Поднятый его крыльями ветер вспенил воду. Волны швыряли меня из стороны в сторону.

Теперь птица была огромной. Казалось, на меня пикирует самолет. Темные глаза были размером с баскетбольные мячи. А желтый клюв открывался и закрывался... открывался и закрывался... словно садовый секатор.

Клюв щелкнул рядом со мной, взрезав поверхность взбаламученной воды и подняв тучу брызг.

— Нет! — крикнул я и пригнул голову.

Отплевываясь от мыльной пены, я вскинул руки над головой для защиты.

Букашкин снова пошел в атаку. Гигантский клюв щелкнул рядом с моей головой. Вода заплескалась еще сильнее. Меня швырнуло о металлическую стену ведра.

— Букашкин, нет!

Он захлопал крыльями над ведром и вновь устремился вниз.

В следующий миг гигантский клюв сомкнулся у меня на поясе. Я почувствовал, как его края впиваются в мое тело.

Пернатый хищник энергично заработал крыльями. Я закричал, когда он выудил меня из воды. И вместе со мною взмыл в воздух.

— Букашкин,пусти! — Вместо крика у меня вырвался лишь сдавленный писк.

Я размахивал руками и ногами. Удерживая меня в клюве, как

малиновка держит червяка, птица пронеслась через гостиную.

— Отпусти меня вниз! Отпусти меня! — орал я.

Острый клюв резал бока.

А потом птица раскрыла клюв, и я полетел вниз.

Я грянулся об пол гостиной, приземлившись на живот. Воздух со свистом вырвался из легких. Задыхаясь, я раскинул руки и попытался уползти.

На подоконнике я заметил новенькую клетку, которую родители накануне купили специально для Букашкина. Мы так и не успели его туда поселить. Из нее бы Букашкин едва ли вырвался...

Теперь же огромная птица ринулась вниз и вновь поймала меня острым клювом. Она подняла меня высоко над полом. И тут же бросила. Затем опять подняла. И снова бросила.

Я грохнулся на бок. В ребрах поселилась пульсирующая боль.

Я перекатился на спину. Выставил перед собою руки. Но я был совершенно беспомощен против огромной птицы.

— Пожалуйста, Букашкин... Нет! Нет!

Я дико замахал руками. Ловко уворачиваясь от ударов, птица схватила меня и снова подняла в воздух.

И бросила. И подняла. И бросила.

Я был слишком слаб и измучен, чтобы дать ей отпор. От боли все мое тело обмякло.

Он думает, что я — букашка, понял я.

Он играет со мной... прежде чем СЪЕСТЬ!

Бух.

Я снова ударился об пол. Силы мои иссякли. Руки и ноги все еще болели после плавания кругами в ведре. На каждый удар об пол тело отзывалось мучительной болью.

Птица снова нацелила на меня клюв, намереваясь схватить.

С отчаянным стоном я в последний момент откатился в сторону. Клюв разминулсЯ с моим телом и врезался в пол. Птица заклекотала от боли и неожиданности.

Тяжело дыша, я бросился наутек. Наполовину ползком, наполовину катился.

Тень от огромных крыльев пронеслась по комнате, когда Букашкин бросился в погоню. Он камнем падал вниз.

Я метнулся в укрытие — под диван.

Дыша со свистом, чувствуя, как пульсирует в груди острая боль, я распластался на полу и осторожно выглянул из-под дивана.

Я видел, как Букашкин приземлился. Его огромная лапа царапала когтями пол. Он издал громкий горловой клекот.

Все еще пытаюсь отдышаться, я наблюдал, как птица расхаживает вдоль дивана взад и вперед. В каких-то нескольких дюймах от моего лица.

Она искала меня повсюду. Но так и не догадалась заглянуть под диван.

«Птичий умишко, — промелькнуло в голове известное выражение. — Мое счастье, что птицы и впрямь не блещут умом!»

Впрочем, «счастье» тут, пожалуй, неуместное слово. Сегодня определенно не мой счастливый день.

Птица скрылась из поля зрения. Возможно, улетела в поисках удобного насеста. А может быть, сидела в сторонке, терпеливо дожидаясь, когда я покину свое укрытие.

Позади меня послышался скребущий звук. И эдакий быстрый

топ-топ-топ-топоток.

Все еще прижимаясь животом к полу, я завертел головой, пытаюсь разглядеть что-нибудь в темноте под диваном.

— О нет! — вскрикнул я, когда какое-то существо выбежало мне навстречу.

Лишь несколько мгновений спустя я понял, что это был паук. Паук прямиком из фильма ужасов!

Пространство под диваном было затянуто густой паутиной. Огромный паук пробирался ко мне через переплетения нитей.

Он был блестящий и черный, с горящими красными глазами размером с шарик для пинг-понга. Длинные ноги были толще соломинок для питья.

Я никогда раньше не видел паучьих челюстей. Теперь же мне представилась возможность разглядеть их во всей красе — скрежещущие, лязгающие. Густая белесая слюна сочилась с острых клыков.

Мерцающие красные глаза-огоньки жадно глядели в одну точку. Топ-топ-топ! Он набирал скорость, ему не терпелось схватить свою жертву. Меня!

Охнув, я рывком поднялся на четвереньки и начал выползать из-под дивана.

Но потом я остановился. Что если где-то в гостиной, там, где я не могу его увидеть, подстерегает меня страшный Букашкин? Ждет второго шанса сожрать меня — букашку, которую ему до сих пор не удалось замучить?

Мысли путались. Надо было делать выбор. Ужасающий выбор: остаться под диваном и сразиться с пауком, или выползти и угодить в когти Букашкину?

Моя рука задела какой-то предмет на полу. Я схватил его и подтащил к себе.

Я не сразу понял, что это такое. А это была зубочистка. Деревянная зубочистка. Мне она показалась длиннее двуручного меча.

Смогу ли я использовать ее как оружие против паука?

Я схватил ее. Попытался поднять. Мне не хватало сил удержать ее одной рукой. Пришлось держать двумя.

Топ-топ-топ! Паучьи ноги дробно застучали по паркету, когда массивная туша устремилась ко мне.

Я выставил перед собою меч-зубочистку. Она так и ходила ходуном у меня в руках.

Смогу ли я отбить ею нападение паука? Смогу ли я заколоть страшную тварь? Пригвоздить ее зубочисткой?

Топ-топ-топ! Он приближался, скрежеща челюстями, истекая слюной.

Я нацелился зубочисткой в центр его брюха.

Только проклятый паук, похоже, не ведал страха перед оружием. Он с топотом неся прямо на меня, колыхаясь всем телом.

Ближе... ближе...

Я затаил дыхание. Покрепче сжал зубочистку. И с силой выбросил ее вперед, пытаюсь поразить паука.

Паук перехватил конец зубочистки двумя мощными лапами. И начал карабкаться по ней прямо ко мне!

— Н-н-не-е-е-ет! — в ужасе заорал я.

Я выпустил из рук зубочистку, и она упала на пол.

Затем я откатился в сторону. И выполз из-под дивана.

Моргая (за время сидения под диваном я успел отвыкнуть от яркого света), я с трудом поднялся на колени. И, чувствуя, как рвется из груди сердце, оглянулся назад.

Паук стремительно приближался. Щелкая челюстями, он с топотом выбежал из-под дивана. Он неуклонно мчался прямо на меня. Огромная туша колыхалась из стороны в сторону, но взгляд всех восьми глаз был прикован ко мне.

Он вовсе не собирался так легко отпустить свою добычу.

Я поднялся на дрожащие ноги. Попытался бежать.

В тот же миг я услышал хлопанье крыльев над головой. И увидел парящего надо мною Букашкина.

Я был в западне. Между двух огней. Некуда спрятаться. Нечем защищаться.

Паук уже наступал мне на пятки. А в вышине гигантская птица расправила крылья. Опустила голову. И устремилась вниз.

— А-А-А-А-А-А-И-И-И!

Я завизжал, когда паук взметнул две волосатые передние лапы и схватил меня за плечи. Острые твердые когти впились в мою кожу.

С невероятной силой он потащил меня к страшным челюстям. Я отчаянно вырывался.

Но у меня попросту не осталось сил.

Я открыл рот для еще одного отчаянного крика, но остановился, когда тень птицы окутала меня тьмой.

Я услышал резкий щелчок. Увидел, как огромный клюв мелькнул передо мною и схватил... паука!

— А?! — испуганно выдохнул я, когда Букашкин крепко зажал чудовище в клюве. Птица оторвала паука от пола. Повернувшись и вместе с добычей полетела прочь.

Несколько мгновений после этого я стоял неподвижно. Меня всего колотило. Я все еще чувствовал на плечах острые паучьи когти. И не мог выбросить из головы шевелящиеся, покрытые слюной смертоносные челюсти.

Я глубоко вздохнул и задержал дыхание. Я знал, что из дома нужно убираться — и как можно скорее. Едва ли Букашкин надолго удовлетворится паучатиной. Он может вернуться за мною — еще одной букашкой — в любую секунду.

Я знал, что должен делать. Я должен добраться до дома Авы. Я должен выяснить, чем они с Кортни меня напоили.

Но как мне преодолеть улицу, разделяющую наши дома?

Мое путешествие вниз по лестнице обернулось настоящим кошмаром. Неужели мне придется сражаться с каждым муравьем, каждой белкой, каждым кроликом, каждым жуком, что встретятся мне на переднем дворе?

У меня не было выбора. Придется рискнуть.

С колотящимся сердцем я подбежал к входной двери. Остановился в нескольких футах перед ней и уставился на дверную

ручку высоко над головой.

Проблема Номер Один: как открыть дверь?

Я перевел взгляд на щель под дверью. Слишком узкая, не протиснуться.

Я рассматривал дверную ручку. Даже если я смогу до нее добраться, мне не хватит сил ее повернуть.

К тому же, дверь, возможно, заперта. А это значит, что придется поворачивать еще и «собачку» замка, расположенную над ручкой.

Не смогу. Не смогу. Не смогу.

Я услышал, как где-то позади меня чирикнул Букашкин. От этого звука по спине пробежал холодок.

Я знал, что времени у меня немного. Но что я мог сделать?

— Эге, постойте! — Я хлопнул себя по лбу. И посмотрел на щель для писем. Я был достаточно мал, чтобы проскользнуть в нее.

Потом я заметил стоящую перед дверью пару бот. Папины рыбацкие боты, достаточно глубокие, чтобы шлепать по мелководью.

Я взялся за носок ближайшего ботинка и потер руками грубую кожу. Затем я поднял глаза на густое переплетение шнурков.

Я понял, что нужно делать. Залезаю на носок ботинка. Потом лезу вверх, используя шнурки, как веревочную лестницу. Забираюсь по шнуркам. Залезаю на верхний край ботинка.

Оттуда до щели для писем уже рукою подать.

Ели получится поднять металлическую заслонку, я смогу вылезти через щель. И вывалюсь прямым на переднее крыльцо.

Букашкин снова чирикнул, и это подстегнуло меня к решительным действиям.

Я облапил обеими руками носок ботинка и влез на него. Постоял на четвереньках, стараясь удержать равновесие.

Затем я пополз по ботинку к нижнему перекрестью шнурков. На ощупь шнурки были грубые и шершавые. Толщиною они напоминали канаты.

Ухватившись за нижнее перекрестье шнурков, я подтянулся и встал. Затем взялся за следующее перекрестье.

Поднял голову. Работенка предстояла нелегкая. Все равно что взбираться на совершенно отвесную гору. Я подтянулся выше. И уперся пластмассовыми туфлями в шнурки подо мной.

Осторожно подтягиваясь вверх, я обнаружил, что могу прислоняться к язычку ботинка. Еще один ряд шнурков. Потом следующий.

Руки ломило. Шершавые шнурки до красноты натерли ладони. Привалившись к язычку, я уперся туфлями в перекрестье шнурков внизу. И подтянулся выше.

Дышал я с трудом. Пот заливал лицо, пока я упорно лез вверх.

Я ухватился за потертую кожу на верхнем краю ботинка. Щель для писем находилась всего в нескольких дюймах у меня над головой.

«Я смогу это сделать! — убеждал я себя. — Я смогу это сделать!»

Я отпустил ботинок — и прыгнул к щели.

Но мои туфли зацепились за край ботинка.

Пальцы схватили один лишь воздух.

И я полетел вниз. Головою вперед. Прямо в ботинок.

В кромешную тьму.

Падал... падал... крича всю дорогу.

— А-А-А-У-У-У-У-У!

Приземлившись на кожаное днище ботинка, я больно ударился плечом.

Я перекатился на спину и встряхнулся, словно пытаюсь таким образом стряхнуть боль. Здесь, внизу, было темно и смрадно. Я вцепился в стенку ботинка. Кожа была гладкой. Попробую залезть — тут же съеду обратно.

Я поднял глаза. Из отверстия над головой лился бледный свет.

Я уперся руками в стенку и все-таки попробовал лезть наверх. Слишком скользко и не за что держаться. Забираться по ней было невозможно. А для того, чтобы отогнуть язычок и выбраться по шнуркам, я был слишком мал.

Я попал в ловушку.

Я старался задерживать дыхание. Вонь была резкой и невыносимой. Пахло потными, отсыревшими носками.

Ведь я был так близок... так близок к цели...

В бешенстве я с размаху врезал кулаком по стенке ботинка.

Это подало мне идею. Я толкнул стенку обоими кулаками. И почувствовал, как ботинок слегка накренился.

Я опустил плечо и врезался им в стенку. Затем повернулся и точно так же протаранил противоположную стенку

Ботинок закачался из стороны в сторону. Я толкал одну стенку, потом поворачивался и толкал другую. Я перебегал от стенки к стенке, раскачивая ботинок все сильнее и сильнее...

...пока он не опрокинулся.

— У-у-у-о-о-о-а-а-а!

Я поехал из него головой вперед. Это было как мчаться вниз по водяной горке — только без воды.

Ботинок рухнул набок, и я вывалился наружу.

Я не стал тратить время на то, чтобы отдышаться. Один ботинок лежал на боку. Второй по-прежнему стоял прямо под дверью.

Я полез на второй ботинок. Забрался на носок, дополз до шнурков — и начался новый долгий и тяжелый подъем наверх.

Спустя некоторое время, я ухватился за верхний край ботинка. До щели для писем опять было всего несколько дюймов.

Очень медленно, я подобрался к ней по краю ботинка. Протянул руку и ухватился за металлическую заслонку.

В этот раз я и не думал прыгать. В этот раз я решил действовать более осмотрительно. Возможно, это был мой последний шанс спастись от Букашкина и выбраться из дома.

Смогу ли я приподнять заслонку? Наклонившись вперед, я дернул ее одною рукой.

Нет. Слишком тяжелая для моих маленьких рук.

Я наклонился еще дальше и взялся за заслонку обеими руками.

— О-о-о-о-о!

Я почувствовал, как ботинок подо мной начал опрокидываться.

Он рухнул набок, а я отчаянно вцепился в заслонку обеими руками.

Мои ноги болтались в воздухе. Руки уже привычно отозвались невыносимой болью. Вцепившиеся в заслонку пальцы судорожно подрагивали.

Отчаяние придало мне сил, я подтянулся и — ДА! ДА!

Мои ноги попали в щель. Я выпустил из рук заслонку и вывалился наружу.

— У-у-у-уф-ф-ф! — Я пребольно отшиб задницу о коврик для ног. Посидел, ожидая, когда боль утихнет. Потом вытянул руки и ноги, дабы убедиться, что ничего себе не сломал.

Окинул взором передний двор. Увидел лишь оттенки черного и серого. Не сразу я понял, что солнце уже садится за кроны деревьев. День подходил к концу, уступая место вечерним сумеркам.

— Эй! — Я вскинул руку, когда мимо моей головы с жужжанием пронеслись две мошки. Размером они были с летучих мышей!

На другой стороне улицы я разглядел дом Авы. Обычно я добегал до него меньше чем за минуту.

Теперь же казалось, будто до ее дома целая миля, а то и две. А ее идущая под откос лужайка напоминала горный склон.

Меня посетила забавная мысль. Может быть, вместе с Кеном-Рок-н-Ролльщиком моя кузина Минди потеряла и кукольный мотоцикл. Он бы вмиг домчал меня до дома Авы.

Идея, конечно, была дурацкая. Я ни за что не стал бы возвращаться в дом и, рискуя жизнью, искать мотоцикл.

Однако ехать — всяко лучше, чем пехом.

Я повернулся и потихоньку спустился с крыльца — по ступеньке за раз, точно так же, как спускался по лестнице.

Кратчайший путь пролегал через середину лужайки. Но трава там была высока — как раз мне по пояс. А когда я вошел в нее, некоторые особенно высокие стебли пришлось раздвигать плечом.

Трава гнулась легко. Но ее острые края больно резали мне лицо и руки, когда я продирался к дороге.

Идти приходилось медленно. В воздухе постепенно разливалась вечерняя прохлада. Небо темнело, наливаясь багрянцем.

Я преодолел примерно треть пути, когда моя нога обо что-то запнулась. Я споткнулся. Полетел вперед. Дрыгнул ногами.

И ухнул в кромешную тьму. Яма. Скрытая в траве.

Глубокая, зараза.

— Эй! — Я удачно приземлился на обе ноги. Взмахнул руками и коснулся холодной, сырой земляной стены.

Я задрал голову. Яма была глубокая. Но я вполне смогу выбраться из нее по земляной стене.

Что-то ткнуло меня в спину.

У меня вырвался испуганный возглас. Я повернулся. Темнота — хоть глаз выколи, ничего не разглядеть.

Что-то ткнуло меня в грудь.

Я выставил перед собою руки для защиты. И коснулся чего-то липкого и влажного.

Чего-то теплого.

И живого.

Я тут же отдернул руки. Напряженно щурясь, я попытался разглядеть, с кем мне повезло оказаться в одной яме.

Существо потерлось о мое лицо. Оно было мокрым и осклизлым. Моя кожа пошла мурашками.

Я почувствовал, как оно обвивает мою шею. От него исходил резкий запах сырой земли. А кожа его была влажной, морщинистой и клейкой.

Оно соскользнуло с меня, оставив на коже мокрый след. И вздыбилось прямо передо мной.

В неверном свете заходящего солнца я увидел, что это был червь.

Самый обыкновенный дождевой червь. Ничего страшного... если только в тебе не шесть дюймов ростом!

Для меня он был размером с гигантского питона.

Он обвился вокруг моей талии. Я вцепился в его скользкое влажное тулово. Я изо всех сил пытался сорвать его с себя. Но не мог даже сдвинуть с места.

Я вскинул руки и нащупал что-то у себя над головой. Подняв глаза, я увидел, что это корень. Корень какого-то растения.

Я вцепился в него обеими руками.

Я раскачался на корне. А потом извивался, дергался и лягался, пока червь не разжал свою мерзкую хватку.

Я подтянулся на корне. Ухватился за земляную стену. И вылез на край ямы.

Тяжело дыша, я бросился в траву. И долго лежал на земле, отдуваясь. То и дело я оглядывался через плечо, на случай, если гигантскому червю вздумается покинуть свое логово и снова напасть на меня. Но он оставался там, внизу.

Я поднялся на дрожащие ноги. Мой блестящий кукольный костюмчик насквозь пропитала слизь червя. Я попробовал стереть с него землю. Но она намертво прилипла к промокшей ткани.

Я не сомневался, что мой вид приведет Аву в ужас. Но мне было как-то пофигу. Это из-за Авы я попал в такую ужасную передрагу.

Через некоторое время я вышел из травяных зарослей и оказался на обочине дороги. На другой стороне улицы мерцали окна Авиного дома.

Проехал автомобиль. Свет фар ослепил меня. Я зажмурился и ждал, когда перед глазами перестанут плясать световые круги.

Открыл глаза. Улица снова погрузилась во мрак. Удастся ли мне перебежать через дорогу, прежде чем появится еще одна машина?

Я набрал в грудь побольше воздуха. Весь подобрался. Я знал, что должен бежать так быстро, как никогда еще не бежал. Если появится еще один автомобиль, водитель ни в коем случае меня не заметит.

Я еще раз оглядел улицу, посмотрел направо, налево. Темно и тихо.

Пора.

Царапая пластмассовыми туфлями асфальт, я бросился через дорогу. Сейчас наша узкая улочка казалась мне шириною с футбольное поле!

Я перемахнул через камешек. На бегу я наклонился вперед и размахивал руками.

Так, мчась изо всех сил, я преодолел уже половину пути, как вдруг услышал голоса.

Я остановился посреди улицы. Повернулся... и увидел двух гигантских мальчишек на двух гигантских велосипедах, с невероятной скоростью мчащихся прямо на меня.

Я закричал. Но они, разумеется, меня не слышали.

Я принялся размахивать руками. Но я был меньше куклы Кена. А они не удосужились включить фары.

Бок о бок летели они по середине дороги. Громко болтали, смеялись и вращали педали, как сумасшедшие.

Я попытался бежать. Поздно. Они были уже совсем рядом.

Я бросился навзничь. Рухнул животом на твердый асфальт. Зажмурился и постарался как можно сильнее поджать под себя руки и ноги.

Рядом со мной прошуршали колеса. Порыв ветра захлестнул мое тело, когда оба велосипеда на полной скорости промчались мимо.

Все это заняло лишь пару мгновений, но мне казалось, что прошел, как минимум, час. Когда я поднялся на ноги, меня всего трясло.

Я был на волосок от гибели.

Я смотрел вслед велосипедистам, пока они не скрылись за углом.

После этого я добрался до дома Авы практически без происшествий. Когда я подошел к парадной двери, меня била мелкая дрожь, я был потный, вонючий и грязный. Но превыше всех этих неудобств мучила меня кипевшая внутри дикая ярость.

Как смела она так со мной поступить?

В нижней части двери была прорезана дверка для кошек. Так что попасть в дом Авы труда не составило.

Прихожая была ярко освещена. В доме было тепло и вкусно пахло. Очевидно, на ужин подавали жареную курицу.

Пробираясь вглубь дома, я заметил на кухне родителей Авы. Они убирали со стола. Уже отужинали. Стало быть, Ава наверняка сидит у себя в комнате.

К счастью, дом Манро совсем мал. Нет второго этажа. Нет лестницы, на которую мне пришлось бы карабкаться.

Озираясь (дабы избежать встречи с их котом), я поспешил к комнате Авы. Расположена она была в конце коридора. Я вошел в комнату и огляделся.

Ава тащится с ярких цветов. Стены ее комнаты были красно-зеленые. Можно было подумать, что она разукрасила их к Рождеству. Пол покрывал ворсистый красный ковер.

По стенам были расклеены постеры с изображениями ее музыкальных кумиров. Кое-где они покрывали стены от пола до потолка.

В углу размещались полочки с ее коллекцией плюшевых овечек. Дюжины круглых, черных овечьих глаз таращились на меня, когда я семенил к ее зеленому столу.

Ава склонилась над ноутбуком, остервенело стуча по клавиатуре. Она так увлеклась, что даже не замечала, как ветер, врываясь в окно, яростно трепал тянущиеся в комнату занавески. На ней были желтая футболка и белые теннисные шорты. И она была босиком.

В свете монитора ее голубые глаза светились, как у кошки. Прикусив нижнюю губу, она сосредоточенно набирала строку за строкой.

Я подошел к ножке ее стула.

— Ава! — прокричал я. — Это я!

А она знай себе печатает. Одной рукой откинула за плечо длинные светлые волосы, а другой барабанит по клавишам.

— Ава?! — снова крикнул я, сложив ладони рупором. — Посмотри вниз! Это я! Там, внизу! Ава?!

А она знай себе печатает. Где ей было услышать мой тоненький голосок!

Делать нечего. Придется привлечь ее внимание.

Я подошел к ее босой ноге и обхватил ее обеими руками. И крепко сжал.

Ава как завизжит!

Неужели она приняла меня за насекомое? Или за крысу?

Ее нога взмыла вверх. Я свалился на пол.

А она с размаху опустила ногу, чтобы раздавить меня.

— Ах! — услышал вдруг я.

Огромная ножища замерла в каких-то сантиметрах от моей головы.

Я распростерся на красном ковре. В поле зрения всплыло лицо Авы.

Ее голубые глаза полезли на лоб. Она разинула рот.

Я сел.

— Ава? Это я! — крикнул я.

— Стивен?! — Она несколько раз моргнула. — Нет. Этого быть не может.

— Ава... — начал я. — Ты обязана меня выслушать. Я...

— Это очередной твой фокус? — спросила она. — Как ты это делаешь? Это типа видеопроекция?

— Это я! — рявкнул я. — Я уменьшился, Ава.

— Нет, нет, нет, нет! — Она прижала ладошки к щекам. Рот ее перекосило от ужаса. — Это неправда. Этого нет.

Протянув руку, она взяла меня за талию.

— О, нет. Ты настоящий.

— А я тебе о чем тут талдычу?!

— Как ты этого добился, Стивен? — воскликнула она. — Отвечай немедленно. Скажи мне, как ты это сделал. Ты меня до смерти пугаешь.

— Я тебя до смерти пугаю?! — завопил я. — А как насчет *меня*? Если кто-то здесь и напуган до смерти, Ава, так это я! Это ты со мной сделала! Ты и Кортни.

— Да ты спятил? — вскричала она. Она подняла меня с пола и посадила на край стола.

Сузив голубые глаза, она пристально разглядывала меня. Указательным пальцем потыкала меня в живот.

— Я... я глазам своим не верю, — пробормотала она. — Стивен, это действительно ты? Ты взаправду уменьшился?

— Я... я... я... — выдавил я. — Хватит меня тыкать! — взорвался я вдруг. — Я тебе не кукла!

Она опустила глаза.

— Где ты взял эти пластмассовые туфли? И... и... во что это ты вырядился? Кукольная одежда?

Я потряс кулаком:

— Клянусь тебе, Ава, будешь смеяться — убью!

Она тут же засмеялась:

— Стивен, да ты сейчас даже вошь не убьешь!

— ПРЕКРАТИ РЖАТЬ!!! — завизжал я.

Она резко оборвала свой смех.

— Прости. Это не смешно. Это... ужас какой-то.

— Да. Вот именно, ужас, — согласился я. — По-моему, Ава, ты меня не слушаешь. Это все твоя вина. Это по твоей милости я таким стал.

Она прищурилась. Приблизила лицо ко мне. Ее голова была больше моего тела.

— Моя вина? С чего ты взял? Как это может быть моя вина?

— Это пошло, что вы с Кортни мне п-подсунули, — с трудом выговорил я. — Оно уменьшило меня. Это ты сделала. Ты подсунула мне эти химикалии, и они меня уменьшили.

— Но, Стивен... — начала она.

— Ты обязана мне помочь, — оборвал ее я. — Скажи мне, что это были за химикалии. Скажи мне, что я выпил. Может быть, врачи смогут найти противоядие. Может быть...

— Стивен, послушай... — Она еще сильнее приблизила ко мне лицо.

— Просто скажи мне! — взревел я. — Что было в этой дряни? Скажи мне!

Она вздохнула.

— Хорошо, хорошо. Прекрати на меня орать. Я... я скажу тебе.

Занавески хлопали на сильном ветру. До меня доносились голоса из телевизора, работавшего в гостиной. В ожидании, что она скажет, я мог слышать каждый удар своего сердца.

— Это был уксус, — сказала она.

Я вытаращился на нее. Ее слова не имели для меня никакого смысла. Как будто она вдруг заговорила на каком-то иностранном языке.

Она нахмурилась.

— Вот и все, что это было, Стивен. Обыкновенный уксус.

— Уксус, — повторил я. Мысли путались. — Ты хочешь сказать...

— Просто уксус, разбавленный водой. Никаких химикалий.

— Но ты же говорила... — Я с трудом выдавливал слова. Я был совершенно обескуражен. — Ты сказала, что вы ходили в кабинет химии. Ты говорила, что вы смешали кучу всяких химикалий.

Ава покачала головой.

— А ты и поверил? Вранье это было, — сказала она. — Мы с Кортни хотели поквитаться с тобой, за то, что ты вел себя, как свинья. А я, вдобавок, надеялась отомстить за то, что ты бросил мне на голову яйца.

— Уксус, — пробормотал я. — Уксус.

— И ничего больше, — добавила Ава. — Никаких химикалий. Ничего опасного. Обыкновенный уксус, мы взяли его на кухне.

— Тогда как это случилось?! — закричал я. — Почему я уменьшился?!

Ава смотрела на меня, напряженно размышляя.

— У тебя нет аллергии на уксус?

— Нет! Ни черта подобного! — заверещал я. — Нет у меня на уксус никакой аллергии! Взгляни на меня, Ава. Во мне, наверное, шесть дюймов росту. Я ношу кукольные шмотки. Какая тут аллергия!

Аллергия не уменьшает человека до размеров бурундука!

— Ладно, ладно. — Ава зажала руками уши. — Хорош орать. У меня от твоего писка уши болят.

— Ну и что мне теперь делать? — осведомился я. — Что, если я буду уменьшаться и дальше? Что если я уменьшусь так, что меня вовсе не будет видно?

Ава наморщила лоб.

— Как странно, что ты имеешь дело с магией. Ну, в смысле, ты же заставляешь вещи исчезать. А теперь вот сам... ну...

— Это не странно, — оборвал ее я. — Это ужасно. Ава, ты должна помочь мне.

Она вскочила.

— Приведу родителей. Их при виде тебя, конечно, кондрашка хватит. Но они смогут отвезти тебя к нашему доктору. Глядишь, он и сумеет что-нибудь сделать.

— Спасибо, — сказал я, скрестив на груди руки.

Уже в дверях Ава обернулась.

— Никуда не ходи, — велела она. — Я мигом.

И скрылась в коридоре.

Никуда не ходить? Она что, издевается?

Куда я, интересно, могу пойти? Я сидел на крышке стола. До пола, по моим меркам, было миль десять.

Я поднялся на ноги. Принялся расхаживать по столу взад и вперед. Экран ноутбука был выше меня. Слова на экране — больше газетных передовиц.

Я ходил взад-вперед, пытаюсь успокоиться. Мистер и миссис Манро — добрейшей души люди. У них замечательная семья. Я знал, что они будут хорошо обо мне заботиться. Они свяжутся с моими родителями и...

Мощный порыв ветра едва не сдул меня со стола.

Подхваченная ветром занавеска захлестнула меня. Она опутала мои ноги.

Я упал спиной на гладкую ткань.

И она стащила меня со стола.

Занавеска взлетела, а вместе с нею взлетел и я.

Еще один мощный порыв ветра взметнул занавеску еще выше.

Я ухватился за нее обеими руками.

Занавеска какое-то время трепетала в комнате, после чего ее потянуло обратно к окну. Затем она снова взмыла вверх, а через какое-то время опять отлетела к окну.

Я цеплялся за нее изо всех сил. Но слишком сильно трепал ее ветер.

Ветер трепал и меня. Он был так силен, что я едва мог дышать.

Он тянул занавеску — а вместе с ней и меня! — то назад, то вперед.

Мои руки соскальзывали.

Занавеска отлетела обратно к раскрытому окну.

Я усилил хватку. Но руки ныли. В суставах пульсировала боль.

Я заскользил вниз по гладкой ткани.

Я пытался уцепиться за нее. Ухватиться, удержаться.

И скользил... скользил...

Не удержусь!

Занавеску засосало в окно.

— А-а-а-а-а-а! — хрипло заорал я, выпустил ее из рук и взлетел в воздух.

Меня швырнуло в ночное небо.

Из окна до меня донесся крик Авы:

— Стивен! Где ты? Куда же ты подевался?

Ветер поднял меня еще выше. Что-то громко захлопало у меня над головой. Крылья?

Мощный порыв ветра захлестнул меня. Передо мною возникла огромная, покрытая перьями голова. Два светящихся желтых глаза с черными зрачками. Огромный клюв, размером с бейсбольную перчатку.

Сова.

Крылья захлопали сильнее, когда чудовище спикировало на меня. Клюв раскрылся. И — *цон!*

Птица схватила меня клювом за шиворот.

— Эй! — Я беспомощно дрыгал руками и ногами.

Сова утробно заклекотала.

Огромные крылья снова захлопали надо мной. Я ощущал поднимаемый ими ветер, когда мы стремительно взвились в вышину.

— Пожалуйста! Не урони меня! Только не урони! — закричал я. И закрыл глаза, чувствуя, как все тело буквально деревенеет от страха.

Сова все выше и выше поднималась в ночное небо.

Куда она меня несет? В свое гнездо?

На поживу своим птенцам?

Далеко внизу проносились крыши домов. Улица казалась узкою черной лентой, вьющейся далеко-далеко внизу.

«Пожалуйста, не урони меня. Пожалуйста...»

Ветер хлестал меня по лицу. Я болтался в клюве совы, раскачиваясь из стороны в сторону.

Я скрестил на груди руки. Напрягся всем телом.

Мы пролетели над кварталом, потом над еще одним.

«Пожалуйста, не урони меня. Пожалуйста...»

В следующем квартале дома заканчивались. Дальше начинались густые леса. Темные деревья, казалось, тянули ко мне свои ветви, когда мы на бреющем полете пролетали над последним домом.

Я знал, что происходит. Догадка моя подтвердилась. Сова несла меня в свое гнездо. Она считала меня своей добычей. И теперь пришло время ужина.

Послышался душераздирающий крик.

К нам летело еще одно темное чудовище. В тусклом свете луны я увидел, что это была другая сова.

Разбойница тут же набросилась на нас, разевая клюв, и попыталась схватить меня.

Не тут-то было.

Ее круглые глаза широко раскрылись, словно от изумления.

Моя сова развернулась и понеслась вниз... вниз... Она не имела ни малейшего желания расставаться со своей законной добычей.

Вторая сова настигла ее и снова пошла в атаку. Ее острый клюв пронесся в каких-то сантиметрах от меня.

Моя сова распахнула клюв и протестующее завопила.

А меня, разумеется, выпустила.

Я камнем полетел вниз и бухнулся в траву.

Я тяжело шмякнулся на живот. От удара из меня едва дух не вышибло. Я долго давился и хрипел.

Наконец, я все-таки смог сесть. Я уцелел чудом. Падение было недолгим. Сова уронила меня над самой землей.

Но где же я?

Я огляделся. По правую руку высился дремучий лес. По левую руку я увидел светящиеся окна домов.

Я с трудом сглотнул. Голова все еще кружилась после безумного полета... и падения.

Встал. Посмотрел на дома. И сразу узнал тот, что стоял на противоположной стороне улицы.

Ну конечно. Конечно же.

Дом мистера Пинкера.

Яркий свет лился из окна на фасаде. Свет горел во всем доме.

Да. Дом моего преподавателя музыки. Мистер Пинкер, должно быть, дома.

Мистер Пинкер мне поможет.

Я начал продираться через высокую траву к его дому.

«Какая удача, — подумал я. — Сова отнесла меня прямо к его дому. К тому, кто сможет мне помочь...»

Это была первая удача за весь этот невыносимый день.

Теперь, если я смогу добраться до его дома, не угодив на ужин червя, пауку или птице, может быть... может быть... мне будет оказана помощь.

Неужели не смогу?

Я смотрел на приветливо мерцающие окна. Они, казалось, светились все ярче и ярче по мере того, как темнело небо.

Улица была тиха и безлюдна. Я выскочил из-под припаркованной машины и со всех ног помчался вперед.

На бегу я не переставая оглядывался по сторонам. Смотрел вверх. Смотрел под ноги.

Я знал, что опасности подстерегают меня на каждом шагу. Так что, даже выбежав на покрытую гравием подъездную дорожку мистера Пинкера, я все равно держал ухо востро. Мелкие камушки казались мне огромными валунами, и я то и дело спотыкался и поскальзывался, больно ссаживая колени об их острые края.

К немалому удивлению, в нижней части парадной двери я обнаружил дверку для кошек. Мистер Пинкер не держал ни кошек, ни собак. Возможно, животные жили у прежних владельцев дома. Меня это сейчас не особенно занимало — все, чего я хотел, это попасть внутрь.

Я глубоко вздохнул и приподнял металлическую дверку. Заглянул.

В прихожей горел яркий свет. Я увидел стопку нот на столике напротив шкафа. Услышал музыку, льющуюся из задней комнаты. Что-то из классики.

Пахло сдобой. Я понял, что мистер Пинкер, должно быть, печет очередную порцию печенья.

Я проскочил сквозь дверку и поспешил в коридор. Затем на цыпочках вошел в гостиную. Никого. Крышка пианино была опущена. На табурете я заметил стопку CD-дисков.

Я вышел в холл.

— Мистер Пинкер? — Мой голос был высокий и тонкий. Я понял, что он все равно меня не услышит.

Послышался какой-то звук.

— Мистер Пинкер?

Нет. Это скрипят перекрытия.

Я свернул за угол и оказался в коридоре. Направился к кухне.

Хотя нет. Я выбрал неверное направление.

Я остановился у двери комнаты, в которой видел кукольные домики. Той самой, от которой мистер Пинкер меня так грубо прогнал.

Может быть, он там?

Дверь была чуть приоткрыта. Я уперся в нее плечом и толкнул.

Мне пришлось приложить все силы, чтобы еще немного приоткрыть дверь и проскользнуть внутрь. В комнате горел свет. Я уставился на ряды кукольных домиков.

Теперь каждый из них был выше меня. Они были достаточно высокими, чтобы я мог войти в них... но недостаточно, чтобы в них жить.

Я сделал еще один шаг в глубину комнаты.

— Ого!

Я не мог поверить своим глазам.

Здесь стояло двадцать или тридцать маленьких деревянных зданий. Узкие дорожки были нарисованы прямо на полу. Парадная дверь каждого домика, как и положено, смотрела на улицу.

Все они были тщательно раскрашены. У большинства крыши были красного цвета. Я видел белые жилые дома с зелеными ставенками на окнах. Серое здание почтамта с крошечным флагом на тоненьком флагштоке. Рядом — красное здание пожарной охраны с красными машинками в открытых гаражах.

Целый город. Даже с кварталами. И весь — деревянный.

Я прошел дальше и увидел рынок, полный тележек с миниатюрными фруктами и овощами. Лавку мясника с розовыми свиными окороками, висящими в окнах. Серое здание библиотеки с узкими колоннами перед входом.

Ряды белых и желтых домиков с гаражами в конце подъездных дорожек.

— Ну и дела, — пробормотал я. — Почему он так боялся, что я

это увижу?

Я подошел и заглянул в один из домиков.

— Не-е-ет! — в ужасе выдохнул я.

Через окно я увидел людей. Крохотных людей — ростом примерно с меня... живущих в кукольном домике!

Я остолбенел. И в шоке уставился в окно.

— Кто здесь?! — крикнул я. — Кто вы такие?

Ни один из них даже не пошевелился.

Я заглянул в домик. Увидел мальчишку, моего ровесника. У него было круглое лицо и прямые светлые волосы.

Позади него я разглядел девчонку с рыжими кудряшками.

— Эй, вы, там! — прокричал я. — Что вы там делаете?

Они оба пялились в одну точку. Глаза у них были остекленевшие. Они стояли абсолютно неподвижно. Словно зомби.

У меня заколотилось сердце. Весь этот миниатюрный город производил чрезвычайно жуткое впечатление. Зачем мистер Пинкер его построил? Кто были эти странные дети в кукольных домиках?

— О, не-е-ет, — простонал я, подойдя поближе. — У меня уже крыша едет. Приплыли.

Мой разум не вынес перенесенных испытаний. У меня начались глюки.

Теперь я отчетливо видел, что никакие это были не дети.

Это были куклы.

Пинкер держал в домиках кукол. Мальчиков и девочек.

Но они казались такими живыми. Такими настоящими.

Я подошел к еще одному домику. Этот был повыше. Пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть в открытое окно.

Две куклы, мальчик и девочка, обе в джинсах и клетчатых рубашках, стояли, прислонившись к задней стене. На столике был расставлен крошечный чайный сервиз.

Я смотрел на кукол, и в голове у меня мелькнула одна мысль: а не махнуть ли мне одеждой с кукольным мальчуганом?

Нет. Нет времени, решил я.

Я должен найти мистера Пинкера.

Мне не следует заморачиваться со шмотками. Или гадать, для чего здесь отгрохан целый кукольный город.

Я был шести дюймов ростом. Я должен найти помощь — немедленно.

Я протиснулся в щелку между дверью и косяком и снова оказался в коридоре. Со всех ног я понесся в кухню.

— Мистер Пинкер? Мистер Пинкер?

Там я его и нашел. Он склонился над белой кухонной стойкой, катая шарики из сдобного теста и выкладывая их на огромный металлический противень.

В кухне было жарко натоплено из-за духовки. Нос мой наполнился сладким запахом шоколада.

Мистер Пинкер склонил голову, целиком сосредоточившись на печенье. В свете потолочной лампы его очки таинственно блестели. Одет он был в свой повседневный серый костюм с красным галстуком. Он не снимал пиджак даже во время готовки!

Классическая музыка звучала из радиоточки возле буфета. Мистер Пинкер мурлыкал мелодию себе под нос.

По другую сторону буфета я заметил голубую лесенку-табурет. У нее было две ступеньки. Я с трудом залез на первую.

— Мистер Пинкер! — гаркнул я. — Это я, Стивен!

Он продолжал мурлыкать, шлепая на противень все новые и новые шарики из теста.

— Мистер Пинкер! Мистер Пинкер! — вопил я во всю мощь своих легких. Я отчаянно размахивал руками над головой. Я прыгал на табуретке. — Мистер Пинкер! Мне нужна помощь! Вы меня слышите? Мистер Пинкер!

Нет. Какое там. Он не мог услышать меня из-за музыки, которой, вдобавок, довольно громко подпевал.

Я перебрался на верхнюю ступеньку. Я размахивал руками, кричал и скакал на месте.

Зазвонил телефон.

Пинкер вытер руки салфеткой. Для меня она была больше простыни!

Он взял телефон со стойки и заговорил, зажимая его между ухом и плечом. И даже при этом продолжал выкладывать печенье на противень.

— Мистер Пинкер! — прокричал я, сложив ладони рупором.

Я привстал на цыпочки, подпрыгнул и ухватился за край стойки. Собрал все силы, подтянулся. И вылез на стойку.

Он стоял спиной ко мне.

Нужно привлечь его внимание. Но как?

Я набрал в грудь побольше воздуха и снова закричал:

— Мистер Пинкер! Эй, мистер Пинкер! — И опять я прыгал, кричал и размахивал руками над головой.

— Мистер Пинкер! Пожалуйста, мистер Пинкер!

Нет. Он не слышал меня, потому что мой голос по-прежнему заглушала проклятая радиоточка. Он крепко прижимал телефон к плечу подбородком. Похоже, у них с собеседником разгорался нешуточный спор.

Как мне попасться ему на глаза? У меня возникла идея.

Я запрыгнул на противень.

И начал осторожно пробираться между шарами сырого теста.

— Мистер Пинкер! Теперь видите меня? Мистер Пинкер!

Я споткнулся о край одного из печений и упал лицом вниз. Два или три комка сырого теста остановили мое падение.

Я встал. Весь мой костюм спереди был заляпан пятнами шоколадного теста. Я стер шоколадные кляксы со лба.

— Мистер Пинкер? Мистер Пинкер?

Стараясь двигаться осторожнее, я добрался до переднего края металлического противня.

Пинкер не поворачивался. Он что-то кричал в телефон. Похоже, никак не мог сторговаться с каким-то жмотом насчет покупки пианино.

Я кричал и махал руками. Уж здесь-то, на противне, он должен меня заметить!

Я сделал еще один шаг к нему... и вдруг остановился.

Я уставился на печенье, разложенное вокруг меня. Я не мог отвести от него глаз.

От крепкого шоколадного духа закружилась голова.

Волна ледящего ужаса обрушилась вдруг на меня.

Я не мог пошевелиться. Не мог дышать.

Почему до меня только сейчас дошло?

Как мог я быть таким идиотом?

Печенье.

Большие куски шоколадного печенья. Печенья, среди которого я прямо сейчас стоял...

Я съел целых две штуки во время последнего урока музыки. А он смотрел на меня с эдакой странной улыбочкой на губах.

Он с таким волнением наблюдал, как я ем его печенье. И не сводил с меня глаз, пока я не съел все до последней крошки.

Я вспомнил, каким оно было тяжелым. Каким плотным.

Я съел целых два — и на следующий же день уменьшился.

Что он подложил в свое печенье?

Какой-то «уменьшительный» ингредиент?

Внезапно все встало на свои места. И как я раньше не догадался?

Кукольный городок мистера Пинкера. Маленькие домики, магазинчики и служебные здания, собранные в его комнате.

Он не хотел, чтобы я их видел.

Еще бы.

Потому что именно там он намерен был держать ребят, которых собирался уменьшать. Ребят, уменьшенных при помощи его печенья.

Ребят вроде меня.

Он собирался держать нас в этих кукольных домишках.

У меня заклацали зубы. Меня всего затрясло. Колени начали подгибаться, и я чуть не свалился с противня.

Мистер Пинкер казался таким хорошим, таким добрым дядечкой!

А на самом деле все это было одно сплошное притворство. Притворство, чтобы заманивать в ловушку ребят вроде меня.

Неужели нам придется жить в этих крохотных кукольных домиках?

Нужно уносить ноги.

Нельзя позволить ему меня заметить.

Я должен добраться до дома. Я должен рассказать родителям всю правду о мистере Пинкере и его печенье. Я должен показать им, что он со мною сделал.

Я повернулся и засеменял к краю противня.

Моя пластмассовая туфля провалилась в шар из сырого теста.

Пока я пытался вытащить ногу, мистер Пинкер потянулся за противнем.

Затем, к моему великому ужасу, он снял противень с кухонной стойки.

Продолжая разговаривать по телефону, он высоко поднял его.

— Нет, мистер Пинкер! Пожалуйста, не надо! — заверещал я.

Он не слышал меня. Он не видел меня.

Он распахнул дверцу духовки.

На меня пахнуло жаром.

— Мистер Пинкер, не-е-е-ет!

Я отчаянно озирался. Смогу ли я спрыгнуть? Нет. Никак.

Жар накатывал на меня волна за волной. Опалял лицо.

Пинкер опустил противень и запихнул его прямо в печь.

Я закрыл глаза. Кожу обдало жаром. Лицо, казалось, горит.

Я пытался дышать, но воздух обжигал ноздри. Обжигал горло.

Духовка оглушительно загудела. Новая волна жара окатила меня, и я упал на колени.

— Н-не могу... дышать... жарко... жарко...

Позади меня раздался испуганный крик.

Мистер Пинкер?

Противень подо мною затрясся. Я с трудом удерживал равновесие, когда он снова пришел в движение.

Прочь от ослепляющего жара духовки. На прохладный воздух. Противень взмыл вверх. После чего был бережно опущен обратно на кухонную стойку.

Обеими руками я вытер заливающий лицо пот. Отбросил назад взмокшие волосы.

Когда же ко мне, наконец, вернулось зрение, я увидел склонившегося надо мною мистера Пинкера. Его глаза вылезли из орбит, а рот был широко открыт. Он таращился на меня сквозь очки, придававшие ему сходства с совой.

— Стивен... ты ли это? — пробормотал он.

— Я... я... — От адского пекла у меня пересохло во рту. — Воды... — только и смог просипеть я.

Он взял стакан и наполнил его водой из-под крана. Но стакан был для меня, конечно, слишком велик. Он покачал головой и напряженно задумался. Потом отошел и вернулся с пластиковой мерной ложечкой, полной воды.

Он протянул ее мне, и я тут же жадно, как собака, вылакал чудесную, прохладную воду.

Когда я закончил, он положил ложечку на стойку и приблизил ко мне лицо.

— Стивен, как это с тобою случилось?

— Вам ли не знать! — завопил я. — Все печенье ваше!

— Прошу прощения? — Он поскреб в затылке. — Мое печенье? А что с ним не так?

— Вы... вы что-то туда подложили! — крикнул я. — От вашего печенья я уменьшился. Вы хотели засунуть меня в этот ваш кукольный городишко!

Мистер Пинкер озадаченно прищурился:

— От моего печенья? Я ничего не клал в печенье, Стивен. Я его беру в супермаркете.

Я ахнул:

— Как?!

— Оно продается такими «колбасками». Я всегда покупаю его в торговом центре, — сказал он. — Нарезаешь такую «колбаску» кружочками, катаешь шарики и кладешь на противень — легче легкого.

Я несколько раз моргнул. Сердце отчаянно колотилось.

— Вы ничего в них не добавляли?

Он покачал головой.

— Нет. Там всего дел-то — нарезать, скатать и запечь.

— Но... но... — забормотал я. — Эти ваши кукольные домики...

— Просто хобби, — пояснил мистер Пинкер. — Я люблю мастерить различные вещицы.

Я сверлил его взглядом. Он говорил правду. Он не уменьшал меня.

Я снова вернулся к тому, откуда начал. И без единого ключа к разгадке.

Он еще ближе придвинул ко мне лицо.

— Когда это с тобой произошло, Стивен?

— Сегодня днем, — ответил я. — Я показывал в школе фокусы. А когда вернулся домой... Просто взял и уменьшился — так и вышел из одежды.

— Домой, — рассеянно повторил мистер Пинкер. — Домой... А

что, родители твои дома? Они тебя уже видели? Ты им рассказал?

— Когда бы я, интересно, успел? — буркнул я.

Он взглянул на висящие на стене часы цвета меди в виде солнца.

— Половина девятого, — сказал он. — Они уже должны быть дома.

Я кивнул:

— Да. Возможно.

— Они, наверное, беспокоятся... — заметил мистер Пинкер.

— Они еще не так беспокоятся, когда я покажусь им в таком виде, — мрачно ответил я.

— Мне... мне так жаль, — проговорил мистер Пинкер. — Никогда в жизни не видел ничего подобного... разве только в кино, конечно.

Он вытащил из кармана сотовый телефон.

— Какой у вас домашний номер?

Я назвал. Он набрал.

— Не отвечают, — сказал он после долгого ожидания.

Затем мы попробовали дозвониться на сотовые. С тем же плачевным результатом.

— Я отвезу тебя домой, — сказал он. — Дождемся их там.

Он осторожно взял меня за пояс и отнес в машину. Там он посадил меня на пассажирское сиденье.

— Ремень безопасности тебе велик, — заметил он. — Держись, что ли, за дверную ручку...

Мне пришлось тянуться к ней изо всех сил.

Мистер Пинкер вез меня домой очень медленно, даром что на улице не было других машин. И поминутно справлялся, все ли со мной в порядке.

Что я мог ему на это ответить?

Я понимал, что, возможно, уже никогда не буду в порядке.

Он въехал на нашу подъездную дорожку. Потом отнес меня к

парадному входу.

И остановился, увидев двоих мужчин, сидевших на крыльце.

Оба они были молодые, темноволосые, с серьезными лицами. Оба одеты в белые лабораторные халаты и белые же брюки. К лацканам халатов были прикреплены маленькие бейджики.

Как только мы подошли, они тут же вскочили. Один из них протянул ко мне руку.

— Мы ждали тебя, — заявил он.

— Я доктор Маркум, — представился мужчина. Он осторожно забрал меня у мистера Пинкера и посадил к себе на ладонь. — А это — доктор Берег.

— Мы из университетской лаборатории по научным разработкам, — вступил в разговор этот самый Берег. Голос у него был хриплый, скрипучий. Его глаза сузились, когда он разглядывал меня, сидящего на ладони его коллеги.

Наконец, он повернулся к мистеру Пинкеру и показал пальцем на бейджик на лацкане своего халата.

— Мы позаботимся об этом молодом человеке, — сказал он. — У нас есть разрешение его родителей.

Мистер Пинкер уставился на них.

— А где его родители? — спросил он.

— Им пришлось срочно уехать, — ответил доктор Берег. — Они просили нас с доктором Маркумом отвезти Стивена в нашу лабораторию и вернуть ему первоначальный размер.

Мистер Пинкер покачал головой.

— Прощу меня извинить, — сказал он. — Я не могу отдать Стивена, пока не поговорю с его родителями.

— Мы впустую теряем время, — сказал доктор Маркум. — А между тем дорога каждая секунда.

— Извините, — упорствовал мистер Пинкер. — Я не могу отдать его вам.

— Ну так придется! — бросил доктор Маркум. Внезапно он стиснул меня в руке. И оба мужчины бросились к дороге.

Мистер Пинкер вскрикнул. Он взмахнул рукой, пытаясь меня схватить.

Доктор Берег дал ему подножку, и бедный мистер Пинкер грохнулся животом на траву.

Доктор Маркум еще крепче стиснул меня в руке, так крепко, что

я едва мог дышать.

Они с топотом сбежали вниз по лужайке.

У тротуара был припаркован белый микроавтобус. Доктор Маркум бесцеремонно швырнул меня на заднее сиденье и захлопнул дверь.

Я услышал отчаянные крики мистера Пинкера. Но двое мужчин запрыгнули в микроавтобус, и тот, взвизгнув покрывками, сорвался с места.

— Выпустите меня! — Я хотел закричать, но получился лишь тоненький сдавленный писк. — Везите меня домой!

Повернувшись, я увидел, что рядом со мной стоит птичья клетка.

— Букашкин!

Они забрали и птицу.

Снова взвизгнув покрывками, микроавтобус свернул за угол.

— Куда мы едем? Вы действительно знаете, как вернуть мне нормальный рост? — требовательно спросил я.

— Да, — в унисон ответили оба мужчины.

— Мы отвезем тебя в лабораторию, — сказал доктор Берег. — Тут недалеко.

— Но... как вы на меня вышли? — спросил я.

— Мы увидели объявление твоего отца в интернете, — ответил доктор Берег. — В нем говорилось, что вы нашли необычную бурую птицу. А птица эта наша.

— Мы очень рады, что вернули его, — добавил доктор Маркум. — Он сбежал из нашей лаборатории.

— Мы проводили эксперименты на птицах, — продолжал доктор Берег. — Букашкин — ястреб-тетеревятник. Он был огромной особью. Но мы уменьшили его до размеров попугая.

Я пялился в спинку переднего сиденья. Микроавтобус подскочил на ухабе, подбросив меня. Я тяжело плюхнулся обратно на сиденье.

Клетку подбросило вместе со мной. Букашкин возмущенно заклекотал.

— Вы... вы уменьшали птиц? — спросил я.

— Мы пытались выработать человеческий Гормон Роста, — пояснил доктор Маркум. — И такой же Гормон Уменьшения. Мы добились потрясающих результатов с этим вот ястребом. А потом он возьми да удери.

— Птица чрезвычайно опасна! — добавил доктор Берег едва ли не благоговейным шепотом и посмотрел на меня: — Сам видишь, что она с тобой сделала.

— Что? — воскликнул я. — Так это сделала со мной птица?

Они разом кивнули.

— Очевидно, ты вступил в физический контакт с языком ястреба, — сказал доктор Маркум.

— Гормон Уменьшения содержится в птичьей слюне, — пояснил доктор Берег. — Понимаю, звучит бредово. Но любой контакт с языком птицы приводит к уменьшению.

Язык птицы?

Я мысленно отмотал все произошедшее со мною назад. Я вспомнил, как Букашкин пощипывал меня за палец. А потом... на шоу талантов...

Когда я использовал его в своем представлении. Он... он тогда «поцеловал» меня.

Да. Мне отчетливо вспомнилось ощущение от шершавого птичьего языка на щеке.

А потом... спустя примерно минут десять... я начал уменьшаться.

Так вот где была зарыта собака! Теперь, наконец, я нашел ответ. Во всем виноват птичий язык. Это ж с ума можно сойти!

Микроавтобус на полной скорости мчался вниз по улице; двое мужчин о чем-то тихо переговаривались. Я не мог разобрать, о чем они толкуют.

Через несколько минут показался университетский городок. В окно я увидел круглую зеленую территорию, окруженную старыми кирпичными зданиями. Потом — ряды университетских магазинчиков и кафетериев.

Микроавтобус набрал скорость и понесся дальше.

— Эй, погодите! — закричал я. — Мы проехали университет! Он там, позади!

— На самом деле наша лаборатория находится не там, — преспокойно ответил доктор Маркум. — Мы почти приехали.

Я знал, что этим двоим доверять нельзя. Недаром они похитили нас с Букашкиным.

Но что тут поделаешь? Сбежать я не мог.

«А вдруг они все-таки приведут меня в порядок?» — подумал я. Скрестил пальцы и доверился судьбе.

Еще через несколько минут микроавтобус свернул с дороги и покатил по ухабистой тропинке, посыпанной гравием.

Тропинка петляла, уходя в самую чащу леса. Наконец, мы остановились перед длинным приземистым зданием, окруженным деревьями.

Никаких табличек и вывесок на здании не имелось. Оно было сложено из белого кирпича, с плоскою красной крышей. По фасаду тянулись ряды маленьких окошек. Все они были плотно закрыты.

— Вот и приехали, — сообщил доктор Маркум и осторожно извлек меня из микроавтобуса.

Из лаборатории доносились крики и щебет птиц. В воздухе был разлит резкий запах кислятины.

Мы вошли в здание, прошли мимо регистраторской стойки. За нею никого не было. Когда мы вошли в саму лабораторию, птицы подняли совсем уж невообразимый гвалт. А от резкой химической вони у меня заслезились глаза.

Доктор Маркум понес меня по длинному проходу между двумя рядами клеток. В некоторых клетках хлопали крыльями птицы, всех видов и расцветок. Некоторые пустовали.

— Скажите пожалуйста, — робко начал я, — как вы собираетесь вернуть мне прежний размер?

— А мы и не собираемся, — ответил Маркум.

Он открыл дверцу одной из клеток. Запихнул меня внутрь и

захлопнул дверцу.

— Выпустите меня! — завопил я. — Не имеете права!

Доктор Маркум нахмурился и покачал головой.

— Мы не можем тебя отпустить, — сказал он. — Нам нужно сохранить твое существование в тайне.

Я вцепился в прутья обеими руками.

— Но... но... но... — только и смог выдавить я. Меня захлестнуло волною паники. Я едва мог дышать.

— Мы не желаем, чтобы кто-то узнал о наших секретных экспериментах, — заявил доктор Маркум. — Это может всполошить общественность.

— Но я же не один из ваших экспериментов! — закричал я.

Он приблизил свое лицо к клетке.

— Теперь ты наш, — сказал он. — Не переживай, Стивен. Мы будем кормить тебя и обеспечим тебе достойный уход. Пока не решим, что с тобой делать.

— Что со мной делать?! — воскликнул я. — То есть вы... вы не знаете, как снова сделать меня большим?

— Честно признаться — нет, — ответил он.

Птицы в клетках истерично кричали и хлопали крыльями. Здоровенная желтая птица, сидевшая в ближайшей ко мне клетке, пощипывала клювом прутья.

— Мы можем попробовать кое-какие эксперименты, — задумчиво проговорил доктор Маркум. — Но мы все равно не позволим тебе уйти отсюда живым.

— Но мистер Пинкер знает, что вы сделали, — возразил я. — И мои родители знают, кто вы такие. Мои родители видели вас и...

— Пинкеру никто не поверит, а родители твои нас в глаза не видывали, — прервал меня доктор Маркум. — Их и дома-то не было. Мы проникли в твой дом и поймали птицу. Увидели на полу кучу одежды. А в комнате нашли раздетую куклу.

— Затем мы заметили крошечные мокрые следы на полу, — подхватил доктор Берг. — Ты своими маленькими ботиночками наследил по всей гостиной. В общем, долго ломать голову нам не пришлось: мы моментально смекнули, что кто-то уменьшился. Так что нам оставалось только присесть на крылечко и дожидаться, когда этот кто-то объявится.

Я затряс прутья клетки.

— Выпустите меня! — заорал я. — Вы не имеете права удерживать меня силой! Выпустите меня!

Отчаянные вопли всполошили мою соседку. Она прекратила терзать клювом прутья и захлопала огромными, мощными крыльями.

Доктор Маркум отвернулся от меня и не спеша пошел прочь.

Я кричал ему вслед, но он даже не оглянулся.

Я до боли в руках сжал металлические прутья. От крика у меня сел голос. Я понял, что все равно никто не услышит меня за криками, щебетом и карканьем птиц.

Я зажал руками уши. Шум стоял просто невыносимый.

Надо подумать. Но как? Я сел на пол клетки и привалился спиной к прутьям.

Как могло такое со мной случиться? Я же человек, пусть маленький, но настоящий, живой человек. И сижу, заточенный в птичьей клетке.

В лаборатории, надежно скрытой в лесах на окраинах города.

Может, найдется какой-нибудь магический трюк, с помощью которого я мог бы исчезнуть из этой клетки?

Нет. Мои «магические трюки» — всего лишь фокусы. Они не помогут мне в реальной жизни.

Я встал и принялся расхаживать взад и вперед по металлическому полу клетки. Я уставился на дверцу; она была заперта на щеколду.

«Это же птичья клетка, — подумал я. — Она и рассчитана на то, чтобы птица не могла улететь».

Но я-то не птица. Я человек. Я понимаю принцип работы

щеколды.

Все, что мне нужно сделать, так это толкнуть ее посильнее, и дверца клетки сама откроется.

«Доктор Маркум и доктор Берег те еще разгильдяи, — подбадривал я себя. — Вон и Букашкин от них тогда улетел...»

А уж для меня-то сбежать — и вовсе раз плюнуть.

От этих мыслей надежда вспыхнула во мне с новой силой. Я подбежал к дверце и стал разглядывать щеколду. Она находилась у меня над головой. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы до нее дотянуться.

Тем не менее, это была примитивнейшая щеколда, обыкновенный крючок.

— Нет проблем, — произнес я.

Огромная птица в соседней клетке перестала хлопать желтыми крыльями. Теперь она сосредоточенно наблюдала за мной. Внезапно я понял, что она очень похожа на канарейку. Только огромную, размером с доброго индюка.

Я приподнялся на цыпочки. Протянув руку, ухватился за крючок. И толкнул.

Нет. Он не поддавался.

Я толкнул сильнее. Нет.

Я сполз на пол клетки и тяжело вздохнул. Потом вскочил и ухватился за крючок обеими руками.

Я толкал, и толкал, и толкал, все сильнее и сильнее, напрягая каждый мускул своего измученного тела.

Нет. Я не мог его поднять. Я не мог сдвинуть его с места.

С тяжелым вздохом я откинулся спиной на дверцу. Вытер вспотевшее лицо рукавом костюма.

Переходим к плану «Б».

Только есть ли он, этот самый план «Б»?

Я посмотрел на желтую пластмассовую поилку. Может, встать на нее и дотянуться до верхних прутьев?

Нет. Через них все равно не пролезть.

А может, спрятаться в поилке? Вот будет сюрприз для доктора Маркума и доктора Берега, когда они придут за мною и меня не увидят! А потом, когда они откроют дверцу, чтобы посмотреть, куда я делся, глядишь и удастся сбежать...

Я подошел к поилке. Нет. Она была полна до краев. Хоть купайся.

Нет, спасибо: дома уже наплавался.

Я повернулся, пытаюсь найти что-нибудь подходящее... что угодно...

Гигантская канарейка молча наблюдала за моими метаниями по клетке. Я повернулся к ней. И сделал несколько шагов вперед.

Эти двое ученых, должно быть, нещадно пичкали ее Гормоном Роста. Она была как минимум раз в двадцать крупнее обычной канарейки.

Я долго стоял и смотрел на нее.

— Хочешь стать моим магическим трюком, а? — спросил у нее я. — Ты ведь хочешь помочь мне сбежать, не так ли?

Птица склонила голову набок, словно пытаюсь понять, чего я от нее хочу.

— Ты моя волшебная палочка-выручалочка, — продолжал я тихо и ласково. — Уверен, ты мне поможешь.

Я подошел к зазору между прутьями и прижался к нему лицом, подставив ей щеку.

— Поцелуемся? — спросил я. — Поцелуй меня, а?

Птица не сдвинулась с места. Сидела и таращила на меня лукавый черный глазок размером с пуговицу от пальто.

— Поцелуемся? — Я вжался лицом в прутья. — Ну же, пташка.

Давай-ка, погорячее и с язычком.

У меня перехватило дыхание, когда птица действительно широко раскрыла клюв и провела влажным языком по моей щеке.

Я тут же отпрянул от гигантской канарейки. Поднял руку. Коснулся пальцами липкой птичьей слюны на щеке.

Потом подошел к дверце клетки и стал ждать.

Я скрестил руки на груди и уставился в одну точку. И ждал, когда почувствую изменения в своем теле.

Я прождал минуту. Две минуты. Три. Я не двигался. Я все еще ощущал прикосновение влажного птичьего языка к своей коже. При мысли об этом лицо покалывало.

А потом я почувствовал, как у меня заурчало в животе. Ощутил внезапную боль в руках и ногах.

Неужели это и впрямь происходит? Неужели Гормон Роста с птичьего языка действительно сделает меня больше?

Я стоял, как вкопанный. У меня разболелись колени. Пальцы ног то поджимались, то расслаблялись.

Костюм туго обтягивал грудь... давил в талии...

Да!

Я начал расти. Я чувствовал, как вытягиваюсь вверх. Чувствовал, как растягивается кожа... как хрустят лодыжки... как подымается голова...

Макушка коснулась верхних прутьев. Я почти заполнил собою клетку. Еще несколько секунд — и я в ней застряну!

Я с силой толкнул щеколду. Она тут же отскочила. Одним толчком я распахнул дверцу.

Я едва смог протиснуться наружу. Мои руки вытягивались. Мои ноги стремительно удлинялись. Мой живот увеличивался. Мои ступни разорвали маленькие пластмассовые ботиночки.

Я спрыгнул на пол, и в тот же миг мой кукольный костюмчик жалобно затрещал и разлетелся в клочья.

Я остался стоять, потрясенный. И опять совершенно голый. Но мне было наплевать. Главное — я вырвался на свободу. И через

несколько мгновений уже стоял перед клетками, вернувшись к своему первоначальному размеру.

Птицы кричали и трещали крыльями, словно и они разделяли со мной мое торжество.

Но я понимал, что опасность еще не миновала. Я должен выбраться из этой проклятой лаборатории. Я должен сбежать от этих жестоких ученых.

Сквозь поднятый птицами шум и гам я услышал их голоса в коридоре. До выхода из лаборатории, казалось, не меньше мили.

Как мне отвлечь их и выскочить за дверь?

Был только один способ. Я двинулся по проходу между клетками, одну за другой отпирая дверцы. Затем я распахивал их и выпускал птиц на волю.

Они пулями вылетали оттуда, радуясь свободе. Птицы всех размеров и видов. Огромные птицы, которых уменьшили. Крошечные пичужки, превращенные в гигантов.

Я шел дальше, и с грохотом опрокидывал на пол опустевшие клетки. Птицы хлопали крыльями и кружили у меня над головой.

Доктор Маркум и доктор Берег влетели в проход. И тут же яростно завопили, когда птицы набросились на них. Оба мужчины лихорадочно размахивали руками, пытаясь переловить птиц и водворить их обратно в клетки.

Рвущиеся на волю птицы окружали их со всех сторон. Крича, изрыгая проклятия и мотая головами, чтобы защитить глаза, двое мужчин даже не заметили, как я прошмыгнул мимо них.

Я добежал до выхода и выскочил наружу. Дверь я оставил распахнутой настежь. Птицы выпархивали из лаборатории и взмывали в ночное небо.

Я бросился по тропинке, не обращая внимания на гравий, ранивший босые ноги. А вслед мне неслись яростные вопли ученых, заглушавшие даже душераздирающие крики птиц.

Я оглянулся посмотреть, не гонятся ли они за мной. Но нет. Они до сих пор не могли управиться со своими бывшими пленниками.

Как я добрался до дома? С этого момента все как в тумане.

Помню, что весь путь пробежал. Я старался держаться подальше от дорог. Прятался за кустами и живыми изгородями. Бежал через задние дворы.

Ночь была темная, ни луны, ни звезд. Не знаю, заметил ли кто меня — двенадцатилетнего мальчишку, бегущего по улицам в чем мать родила.

Мама и папа при виде меня страшно обрадовались. Разумеется, они тут же закидали меня миллионом вопросов. Я сказал:

— Я вам все расскажу. Только дайте одеться!

* * *

Не могу передать вам своего счастья, когда снова надел футболку и джинсы — и они пришлись мне в самый раз!

За столом я все рассказал маме и папе, от начала и до конца. Папа позвонил в полицию и сообщил им о двоих ученых и их спрятанной в лесах лаборатории.

Потом передо мною поставили мой любимый десерт. Шоколадное мороженое, щедро политое шоколадным сиропом.

Было чудесно даже просто держать в руке ложку. Ведь она была правильного размера.

И сам я был правильного размера. И весь мир снова был правильного размера.

После шоколадного мороженого я окончательно воспрял духом. Мы втроем сидели за столом и широко улыбались.

А потом из окна донеслось хлопанье крыльев.

Я охнул, когда в столовую влетел Букашкин. Мама и папа от неожиданности вскрикнули.

Птица закружилась над обеденным столом.

— Он... он летел за мной до самого дома! — пробормотал я.

И тут Букашкин спикировал мне на плечо. Он запустил когти в мою футболку.

И широко раскрыл клюв.

— Нет! — в ужасе взвыл я. — Нет, Букашкин! Не надо целоваться! Не смей целоваться! Букашкин! О не-е-е-ет! Он «поцеловал» меня!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НАЗАД ВО ДВОРЕЦ КОШМАРОВ

— Что ж, Стивен, ты поведал мне великую историю. Или следовало бы назвать это «произведением в малой форме»?

Ну-с, позволь мне взять тебя и отнести в твою комнату на ночь. Ого! Никак ты прибавил в весе? В тебе, должно быть, не меньше двух кило...

Сегодня ты будешь спать в костевой комнате. Я смастерил отличный комод с комфортными выдвижными ящиками — специально для тебя.

Не бойся. Во Дворце Кошмаров птицы не летают. За исключением, конечно, стервятников.

Я — Хранитель Историй, и я бережно сохраню твою историю здесь, где ей и подобает быть.

Ну а теперь, пардон, вынужден откланяться. У нас новый гость.

Входите же, милая барышня. Не пугайтесь моих ручных скорпионов. Они жалят только если долго их не кормить.

Хм-м-м... Кстати, а давно я их кормил? Что-то запамятовал.

Как вас зовут, голубушка? Моника? Я вижу, у вас в руках хэллоуинские маски. Весьма безобразные и устрашающие. Полагаю, вы поведаете мне историю про Хэллоуин?

Проходите, не стесняйтесь. Во Дворце Кошмаров комнат хватает. И знайте, что здесь всегда найдется Комната Для Еще Одного Крика.

notes

Примечания

«Нить балбеса» («Silly String») особый аэрозоль, который мгновенно загустевает на воздухе, превращаясь в длинные белые нити. Перестрелки при помощи баллончиков с «Нитью балбеса» — очень популярное развлечение на вечеринках в США и Европе. (Примечание переводчика).